

ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ

Палач или жертва?

ЖЖ военные
тайны
века

О.С. Смыслов

Военные тайны XX века

Олег Смыслов

**Генерал Абакумов.
Палач или жертва?**

«ВЕЧЕ»

2012

Смыслов О. С.

Генерал Абакумов. Палач или жертва? / О. С. Смыслов —
«ВЕЧЕ», 2012 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-9533-6017-3

Как известно, у каждой медали есть две стороны, а жизнь человека имеет светлую и темную сторону. В новой книге про В.С. Абакумова автор показывает обе стороны этой личности, используя ранее неизвестные документы. Почему именно на Абакумова обратили внимание Кобулов и Берия? После каких событий его назначили начальником Ростовского управления НКВД? Был ли виноват Абакумов в захвате немцами Смоленского архива? Какие просчеты допустила военная контрразведка СМЕРШ в годы войны под руководством генерала? Вместе с ответами на эти вопросы читатель узнает правду о последних минутах жизни опального начальника СМЕРШа.

ISBN 978-5-9533-6017-3

© Смыслов О. С., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

От автора	6
Глава 1. Один из врагов Абакумова	7
Оргсекретарь и писатели	7
Комиссар госбезопасности	15
Поломанная жизнь	22
Исповедь перед смертью	31
Глава 2. Чекист нового поколения	36
Рожденный в наводнение	36
Восхождение от практиканта	42
Маховик репрессий и маховик карьеры	49
Чекисты Свердлов, Шарок и Кубаткин	54
Начальник областного управления	64
Кто они, палачи из НКВД?	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

О. С. Смыслов

Генерал Абакумов. Палач или жертва?

©Смыслов О.С., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

В.А. Батуренко посвящаю...

От автора

Моя первая книга про В.С. Абакумова вышла в 2005 году. И скажу откровенно, о второй книге я даже не задумывался. Но однажды, после встречи с писателями, где меня попросили рассказать о ней и где я ответил на многочисленные вопросы, один из присутствующих прозаиков настойчиво рекомендовал вернуться к этой теме еще раз. Судя по всему, книга всем понравилась, но вот эта настойчивость не давала покоя все эти годы...

Почему? Я долго думал над этим и на всякий случай собирал все новые и новые материалы про своего героя, пока не понял, что пора садиться за написание книги. Так я вернулся к этой теме во второй раз...

Как известно, у каждой медали есть две стороны, а наши жизни слагаются из света и тени. Видимо, в той книге про Абакумова я рассказал более или менее об одной стороне «медали» его головокружительной карьеры, основанной прежде всего на личных впечатлениях. Тогда мне казалось, что я получил возможность намного глубже познать не только особенности профессиональной деятельности своего героя, но и черты его характера, его личные качества, ощутить его внутреннюю силу и железную волю. На самом деле это оказалось не совсем так... И только поэтому в новой книге, используя новые документы, воспоминания и свидетельства очевидцев, мне бы хотелось открыть и вторую сторону «медали», которая объясняет если не все, то очень многое.

Например, почему именно на Абакумова обратили внимание Кобулов и Берия? После какого грязного дела его назначили начальником Ростовского управления НКВД? Виноват ли был Абакумов в захвате немцами Смоленского архива? Какие просчеты допустила военная контрразведка СМЕРШ в годы войны под руководством Виктора Семеновича и т. д.

Признаюсь, основные вехи восхождения министра госбезопасности остались без особых изменений, но все остальное окажется если и не невероятным, то хотя бы любопытным. Ведь согласитесь, современного читателя удивлять весьма и весьма сложно.

Глава 1. Один из врагов Абакумова

Оргсекретарь и писатели

Первая повесть Анатолия Наумовича Рыбакова «Кортик» вышла из печати осенью 1948 года. А уже в 1950-м был напечатан его роман «Водители», который имел не просто читательский успех, а успех, что весьма было важно, прежде всего у интеллигенции. Именно после этого достоверного произведения, где персонажами были вполне обычные рядовые люди, новый писатель стал частым гостем на премьерах и всякого рода «культурных» мероприятиях. Отметим Анатолия Наумовича за этот роман Сталинской премией второй степени (1951). Естественно, приняли и в Союз писателей. Между прочим, Союз писателей сразу же выделил ему однокомнатную квартиру на Смоленской площади, правда, в старом доме, но все-таки... квартиру. Стал расширяться круг знакомых. На обеды Рыбаков теперь ходил исключительно в ресторан Центрального дома литераторов.

Сам Анатолий Наумович спустя годы назовет Союз писателей «идеологически – казармой», а «организационно – департаментом». В романе-воспоминании он, в частности, напишет: «Его сотрудники имели дело не со случайными посетителями, а с постоянными, с писателями. Были хорошо с ними знакомы, обслуживали их съезды, пленумы, заседания, обедали в том же ресторане ЦДЛ, ездили в те же Дома творчества, пользовались одной поликлиникой – Литфонда; бывало, молодые сотрудницы выходили замуж за писателей, жили со своими мужьями в писательских домах, писателей во все времена селили кучно: в Лаврушинском переулке, на улице Фурманова, на Ломоносовском проспекте, в районе метро «Аэропорт», в Астраханском переулке. Сотрудники много чего знали о каждом, писательская жизнь протекала у них на виду.

Ко мне в аппарате Союза относились с симпатией: молодой, уже известный, но общительный, демократичный, прошел войну, встречали с улыбкой, приветливо.

Но вот прихожу в Союз, было это в начале марта 1951 года, и сразу, с первого же мгновения, возникло ощущение опасности, хорошо знакомое, вьевшееся во все поры моего существа. Быстро промелькнувший взгляд, любопытный или настороженный, замкнутое, отчужденное лицо, подчеркнутое равнодушие, как бы вынужденное рукопожатие, притворная занятость – мелочи, обычному человеку ничего не говорящие, но мне вполне понятные». Ощущение опасности Рыбакову было знакомо как никому другому...

Анатолий Наумович родился в Чернигове в 1911 году в еврейской семье инженера Наума Борисовича Аронова и его жены Дины Абрамовны Рыбаковой. С восьми лет жил в Москве, на Арбате. Учился в бывшей Хвостовской гимназии, а девятый класс окончил в опытно-показательной школе-коммуне на Остоженке. По окончании школы работал на Дорогомиловском химическом заводе: грузчиком и шофером.

В 1930-м поступил в Московский институт инженеров транспорта, а ровно через три года его арестовали и Особым совещанием коллегии ОГПУ осудили на три года ссылки по статье 58–10, что означало «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти».

Когда срок ссылки закончился, Рыбаков, не имея права жить в городах с паспортным режимом, скитался по России. Он работал только там, где не надо было заполнять анкеты.

В 1938 году будущий известный писатель устроился на работу в Рязанское областное управление автотранспорта главным инженером. Оттуда осенью 1941 года он ушел на фронт, закончив войну в должности начальника автослужбы 4-го Гвардейского стрелкового корпуса

в звании гвардии инженер-майора. Именно на фронте «За отличие в боях с немецко-фашистскими захватчиками» его признали не имеющим судимости.

Помогли Рыбакову безупречные характеристики и боевые награды: два ордена «Отечественной войны» и четыре медали («За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»). Полностью же реабилитация состоится лишь в 1960 году.

Так вот, после возникшего ощущения опасности пройдет много лет. Анатолий Наумович будет стоять в холле Дома творчества «Малеевка» с Евгенией Семеновной Гинзбург, восемнадцать лет проведенной в сталинских тюрьмах, лагерях и ссылках. Мимо них пройдет Виктор Николаевич Ильин, который поздоровается только с Рыбаковым.

«Евгения Семеновна проводила его взглядом, – вспомнит он.

– Кто этот человек?

– Ильин, секретарь Московского отделения Союза писателей.

– Он – кагэбист.

– Почему вы так думаете? – Мне было интересно, что она скажет.

– У него это на лице написано.

Ильин всю жизнь прослужил в “органах”, и Евгения Семеновна с одного взгляда узнала в нем кагэбиста, такое лицо бывший зэк отличит среди сотни других.

Так и человек, за которым тянется 58-я статья, живет с опасением, что об этом узнают, и по малейшему, едва уловимому признаку чувствует опасность».

В столице Советского Союза Москве тогда было целых три Союза писателей: СССР, РСФСР и Московская писательская организация. Московскую писательскую организацию возглавлял Сергей Михалков. То есть был ее бессменным председателем. Однако его кабинет со всеми телефонами занимал оргсекретарь Ильин.

«...Михалков появлялся на полчаса в день, – утверждает Анатолий Наумович, – не снимая пальто, клал руку на трубку вертушки. Любил помогать людям, спрашивал:

– Кому звонить?

Ильин:

– Промыслову. (Председателю Моссовета...)

Михалков (набирает номер):

– Владимир Федорович? Михалков приветствует. Здравствуйте. (Прикрывает трубку ладонью.) Что просить?

Ильин:

– Квартиру... Коротун...

Михалков (в трубку):

– Я насчет квартиры товарищу Коротуну... Сколько можно, Владимир Федорович, просим, просим, пишем, пишем... Что? (Прикрывает ладонью трубку.) Когда обращались?

Ильин:

– Два года назад... Персональный пенсионер.

Михалков (в трубку):

– Два года пишем... Ну, как можно? Старый член партии, персональный пенсионер, а ведь работает, прекрасный писатель... Крепкий мужик... А как же, я его знаю лично, наш золотой фонд... Спасибо, Владимир Федорович, спасибо. Что? (Прикрывает ладонью трубку.) Как имя-отчество?

Ильин:

– Галина Васильевна.

Михалков (в трубку):

– Галина Васильевна... Нет, нет, вы не ослышались. Повторяю: Галина Васильевна...

Ильин:

– Коротун.

Михалков:

– Галина Васильевна Коротун, взяли на заметочку, Владимир Федорович? Спасибо, дорогой, доброго здоровья.

И ничего, сходили такие “опечатки”, свои ведь люди, чего там!»

В шестидесятые годы Рыбаков напишет свой знаменитый роман «Дети Арбата», который станет одним из первых в Советском Союзе произведений о судьбе молодого поколения тридцатых годов. Автор романа попытается раскрыть весь механизм тоталитарной власти и понять «феномен» Сталина и сталинизма. Правда, опубликуют его только в 1987 году. Продолжение – роман «Тридцать пятый и другие годы» – выйдет в 1989-м, под закат горбачевской перестройки.

Когда Анатолий Наумович сядет за написание следующего романа, «Страх», секретные архивы еще не были открыты, и он будет, как и раньше, пользоваться теми же источниками, что и при работе над «Детями Арбата». То есть вполне официальной литературой и рассказами участников событий тех лет.

А однажды в его доме раздастся неожиданный телефонный звонок. А.Н. Рыбаков напишет об этом в воспоминаниях следующее: «Позвонил мне Виктор Николаевич Ильин, бывший многие годы оргсекретарем Московской писательской организации, ее истинным и полновластным хозяином. Ильин приходил на службу ровно в девять, уходил не ранее шести, на обед не отлучался, заваривая в кабинете чай, запивал принесенные из дома бутерброды, исполнительный чиновник с хорошими связями в партийных и советских кругах, в аппарате КГБ, где проработал всю жизнь, дослужившись до генерала. Однако в конце войны или сразу после войны его самого посадили, держали в тюрьме, потом отправили на какое-то строительство за то, что предупредил своего друга о возможном аресте. После XX съезда он вернулся в Москву, и Поликарпов, тогдашний руководитель Союза писателей, взял его на работу во вновь созданную Московскую писательскую организацию.

Ильин позвонил мне, уже будучи на пенсии.

– Зашел бы, посидим, поговорим.

Знает много. Я поехал к нему на Ломоносовский проспект. Ильин провел меня в кабинет, открыл дверцы книжного шкафа:

– Видишь?

Это были книги московских писателей с дарственными надписями: «Дорогому Виктору Николаевичу...»

– Только ни одной твоей нет...

Мы сели.

– Не думай, я не обижаюсь, цену этим подаркам знаю. За глаза-то как меня называли? «Генерал», «кагэбист», так ведь?

– Разве ты им не был?

– Был. Не отрицаю. Всю жизнь прослужил. Честно служил. Как коммунист. Много чего видел, но веры не терял. За это и поплатился. Знаешь мою историю?

– Слышал.

– И сейчас веры не теряю. Потому так высоко ставлю твой роман, он все во мне перевернул. В органах всякое приходилось читать, сам понимаешь, все было доступно. Но ты ткнул в то самое место, откуда росла эта опухоль. Удастся ее удалить, как думаешь?

– Надеюсь.

– Говорят, продолжение пишешь. Какие годы?

– Те же. Тридцатые...

– Знакомое время. Наше ведомство присутствует?

– Конечно. Процессы Зиновьева, Бухарина... Дело Тухачевского...

- Какими материалами пользуешься?
- Тем, что было опубликовано... Стенограммы судов...
- Мало!

Он поднял на меня глаза, по его взгляду я понял: решение принял.

– Я работал в центральном аппарате, в секретно-политическом отделе, все это проходило через нас. Отвечу на любые твои вопросы. При двух условиях: никаких магнитофонов, и на меня, как источник информации, сможешь сослаться только после моей смерти, если, конечно, при этом не пострадает моя семья, это на твоей совести.

Мы встречались с Ильиным несколько раз, говорили по многу часов. Он очень мне помог. Знал работников НКВД того времени, их биографии, слабости, сильные стороны, знал механику работы этого учреждения, вспоминал отдельные ситуации, подробности, детали, которые были необходимы для моей работы».

Сам роман вышел в 1990 году...

* * *

Пятой книгой сочинений Георгия Владимова стал его последний, и, к сожалению, неоконченный роман «Долог путь до Типперэри», который задумывался им как автобиографическая трилогия, охватывающая период с 1946 года по 1991-й.

В нем он передает свою беседу с Ильиным, у которого попытался выяснить подробности биографии одного из видных чекистов: «– Его (Масевича) расстреляли в тридцать девятом... За крайнюю жестокость.

– То есть вообще-то жестокость допускалась, но не крайняя?

Виктор Николаевич моего вопроса не услышал. Я спросил:

– А это правда, что он входил к подследственному в камеру с плеткой?

– Нет, неправда... Но тем не менее плетка у него была. Висела в кабинете за шкафом. На гвоздике... Если захотите написать о нем... Обратитесь ко мне. Я постараюсь вспомнить кое-что.

Он расчувствовался, стал рассказывать:

– Я видел, как люди... заслуженные люди... генералы... на коленях молили следователя – какого-нибудь лейтенантика – не покалечить их, когда он их пытает или бьет».

По утверждению Алексея Теплякова, автора статьи «Чекист для Союза писателей», Виктор Николаевич «Ильин был активным организатором преследования инакомыслящих в писательской среде – от Синявского и Солженицына до Галича и Войновича. Он собирал сведения на тех литераторов, которые передавали свои сочинения на Запад, организовывал против них негодующие кампании, добивался исключения диссидентов из Союза писателей».

Имел на него «зуб» и Юрий Маркович Нагибин – русский писатель-прозаик, журналист и сценарист. Член Союза писателей с 1940 года. В двадцать лет он опубликовал свой первый рассказ, который поддержали Ю. Олеша и В. Катаев. В его дневнике, подготовленном к печати незадолго до смерти, есть такая запись, датированная 1 ноября 1972 года: «Ильин опять напомнил о себе после короткого перерыва. На этот раз, чтобы сорвать мне поездку в Колумбию – Венесуэлу с заездом в Нью-Йорк. Какой неугомонный, неленивый, душный и гнусный человечико! И хорошо, истинно в духе времени, защитил меня оргсекретарь “большого” Союза писателей Верченко. После двух дней изнурительной беготни, звонков, надежд и томлений вот что я услышал:

– Группу сократили, и вас, как не имеющего отношения к ССОДу, отвели.

Группу сократили только на меня, но я-то как раз имею прямое в отличие от прочно оставшегося в группе Холендро. Я активный член правления Общества СССР – Нигерия и всего лишь три дня назад провел там литературный вечер для африканских студентов. Вер-

ченко не дал себе труда выслушать, что я ему говорил при первой встрече, объясняя сложившуюся ситуацию. В одно ухо впускал, в другое выпускал.

Невольно начинаешь уважать Ильина, тот врет квалифицированно, убедительно, он работает над своей ложью (над формой и содержанием), а этот мешок с мокрым дерьмом ляпнул первое, что пришло в его рассеянную башку. Когда я сказал ему, как обстоит дело, он растерялся, заморгал глупыми хитрыми глазами и стал расспрашивать ни к селу ни к городу о встрече с американскими студентами...

Все, что случилось со мной, не ново. Но поражает незамаскированность подлости и та халтурность в исполнении, какой раньше не было. Уверенные в себе, в своей необходимости, сатрапы окончательно разнуздались. Я бессилён против них. Московский СП отдан на откуп Ильину, его даже не пытаются «поправить». Безнаказанность и безответственность входят в условия игры, иначе он «не ручается». Какой поразительный человеческий, вернее, античеловеческий тип создала эпоха! Эти гады налиты враньем, как гостиничные клопы – кровью. Умение врать более ценимо в ответственном работнике, чем организаторские и другие качества. Нет, не умение врать, а готовность к безудержному, беспардонному вранью. И тут Верченко выше Ильина, потому что врет, не заботясь о мелком правдоподобии. И что противопоставить всему этому? Если б можно было подавить в себе «любовь к пространству». Как бы нахаркал я им всем в гнусные рыла! А для чего? Ведь это их не заденет. Взять их можно только страхом, а так, хоть сцы в глаза, все Божья роса. Грустно, грустно...»

Владимир Николаевич Войнович, член Союза писателей с 1962 года, с Ильиным сталкивался множество раз. Например, в «Иванькиаде» (или рассказе о вселении писателя Войновича в новую квартиру) он весьма интересно описывает образ Виктора Николаевича, опять-таки как секретаря Московского отделения Союза писателей по организационным вопросам:

– Я с писателями работаю с двадцать четвертого года, – говорит он.

Теперь, как большинство работников карательных служб, сентиментален.

– Вы слышали: умер Игорь Чекин, мой ровесник. Подходит очередь нашего поколения. Как сказал Олеша: снаряды рвутся где-то рядом. – И за стеклами очков в золотой оправе скупая мужская слеза...

– Вот если бы вы были честным человеком, вы сказали бы, кто дал подписать это письмо. – Но тут же и отступает: – Нет, я на этом не настаиваю. – А немного погодя и совсем наоборот: – Обратите внимание, я не спрашиваю, кто дал подписать вам это письмо.

Однажды, подыгрывая ему, я сказал:

– Виктор Николаевич, но ведь вы в свое время тоже не поверили в виновность какого-то человека и даже пострадали за него.

– Так это же был мой друг, – сказал он взволнованно. – Я его хорошо знал.

С теми, кого знал недостаточно хорошо, он поступал иначе...

– Я всегда был верен партии, таким и сдохну, – это его слова.

Его представления о литературе вполне примитивны, но он себя и не выдает за знатока. А вот уж что касается следственной части, тут он профессионал (и, думаю, это самый большой комплимент, который он хотел бы услышать). К своим следственным обязанностям он относится отнюдь не формально. Он думает, изобретает, как бы похитрее заманить вас в ловушку, подставить под удар, использовать вашу ошибку. Он играет с вами, как сытый кот с мышью, когда не только результат, но и процесс игры важен. При этом он может не испытывать к вам никакой вражды или может даже симпатизировать вам, это не имеет никакого значения и никак не отражается на его действиях по отношению к вам. У него есть свои достоинства. Вы можете на него накричать, он не обидится (хотя в интересах дела может сделать вид, что обиделся), вы можете ему льстить, он не поверит. Он еще немножко актер, и его отношение к вам в данный момент ничего не значит. И если он проходит мимо вас не здороваясь или, наоборот, кидается

в объятия, не обращайтесь внимания, просто он хочет произвести на вас определенное впечатление. На самом деле, не здороваясь, он на вас не сердится, а обнимая, он вас не любит.

Но главное впечатление, которое он хочет на вас произвести всегда, это, что теперь, когда идеалы ставятся невысоко, может быть, он и чудак, но он служит партии, и только ей, и ради нее готов сидеть хоть в кабинете секретаря Союза писателей, хоть в тюремной камере. Про него говорят, что он держит слово. Это не совсем так. Держать слово не всегда входит в его планы, не всегда под силу ему, специфика его работы не позволяет ему не давать пустых обещаний, но, когда он что-то пообещал, смог выполнить и выполнил, он бывает явно доволен и выражения благодарности принимает охотно...»

В «романе своей жизни» под весьма необычным названием «Автопортрет» Владимир Николаевич в очередной раз вернулся к образу Ильина, назвав его человеком очень незаурядным. Однако, по мнению писателя, ум у Виктора Николаевича был полицейским.

«Полицейский – не значит глупый, а лишь то, что человек видит всему простые объяснения и находит простые решения. Я думаю, что Ильин по натуре и не злой был, но делал все, что нужно, считая себя солдатом партии. Мне кажется, что эту роль он себе подсознательно придумал для оправдания всех своих поступков...»

И все же В.Н. Войнович, вспоминая прошлое, подчеркивает: «По-моему, Ильин даже неплохо ко мне относился, но раз партия приказала, готов был вгрызться в печеньку. А все-таки иногда и его посещали сомнения, и Виктор Николаевич, зажав меня в углу своего кабинета и прикрываясь ладонью от возможных микрофонов, спрашивал шепотом:

– Ну, скажите, как говорится, не для протокола, а мне лично, неужели вы думаете, что ваш “Чонкин” когда-нибудь будет опубликован?

– Виктор Николаевич, – отвечал я ему громко, – я не только думаю, я знаю точно, что когда-нибудь “Чонкин” будет опубликован.

– Ну, вы и самонадеянный, – качал он головой.

– Нет, Виктор Николаевич, я вовсе не самонадеянный. Это вы и ваши единомышленники самонадеянны, потому что думаете, что вы управляете временем. А вы в нем только существуете. Если вы вспомните историю, вы увидите, что ни одна запрещенная книга не пропала. Все они доживали по крайней мере до отмены запретов и только после этого вступали в соревнование с другими книгами...»

Пройдет время, и в декабре 1988 года Виктор Николаевич (старенький и трясущийся) будет скромно сидеть в коридорчике журнала «Юность», зайдя в редакцию по каким-то своим делам. Мимо него будут бегать возбужденные сотрудники журнала с какими-то бумагами.

– Что это вы носите? – не выдержав, поинтересуется Ильин.

– Верстку «Чонкина», – ответят ему.

«Говорят, – напишет Войнович, – он обхватил голову руками и потряс ею так, как если бы ему сообщили о конце Света».

Русский советский критик и литературовед Бенедикт Михайлович Сарнов в своей книге воспоминаний также не обходит стороной темную личность Ильина:

«Насчет того, как стал он оргсекретарем Московского отделения Союза писателей, существовали разные версии. По одной, его пристроил туда знакомый писатель, один из его бывших клиентов. По другой, новая его должность была прямым продолжением старой и сама идея на эту новую должность исходила оттуда.

Сам Виктор Николаевич, разумеется, изо всех сил старался укрепить веру в то, что верна именно эта, вторая версия.

Однажды, когда меня в очередной раз не пустили в какую-то заграничную туристскую поездку, я выразил ему по этому поводу свое негодование.

– Хорошо. Я выясню, – сказал он.

И, столкнувшись потом как-то со мной в коридоре, нежно взял меня за локоть, отвел в сторону и, многозначительно воздев глаза к потолку, сказал:

– Я узнавал. ТАМ никаких претензий к вам нет.

Писатели перед Виктором Николаевичем трепетали. Но у меня было подозрение, что он слегка блефовал, подчеркивая, что и ТАМ, в ТЕХ сферах его влияние по-прежнему остается соответствующим его генеральскому званию. На эту мысль меня натолкнуло впечатление от первой моей с ним встречи.

В конце пятидесятых создавался писательский жилищный кооператив, в который я очень хотел вступить. (Это был единственный способ выбраться из коммуналки.)

Я тогда еще не был членом Союза писателей. Но тут как раз в каком-то важном докладе меня помянул Степан Петрович Щипачев, возглавлявший в то время московскую писательскую организацию. Он назвал меня в числе двух или трех подающих надежды молодых критиков, и кто-то посоветовал мне обратиться к нему за помощью.

Степан Петрович встретил меня ласково и выразил полную готовность поддержать мою просьбу. Он нажал кнопку звонка. Появилась секретарша. Он сказал:

– Виктор Николаевич на месте? Скажите ему, что он мне нужен.

Тут же – «на полусогнутых» – явился Виктор Николаевич. Наклонив голову, внимательно выслушал Степана Петровича. Взяв меня под локоток, увел из начальственного кабинета к себе. Быстро и очень толково составил нужную бумагу, отдал ее машинистке. Через несколько минут ходатайство – на бланке Союза писателей – было отпечатано, подписано Щипачевым и вручено мне. В кооператив меня сразу же приняли.

У меня тогда создалось впечатление, что должность «оргсекретаря» – вполне ничтожная, скорее техническая, для которой как раз и годится такой вот слегка постаревший Молчалин. Но вскоре облик Виктора Николаевича чудесным образом переменялся.

От его молчалинских манер не осталось и следа. А когда выяснилось, что руководители Московской организации приходят и уходят (Щипачева вскоре сменил Луконин, Луконина – Сергей Сергеевич Смирнов, Смирнова – Наровчатов), а Ильин остается, все постепенно поняли, кто в этой конторе зицпреседатель Фунт, а кто настоящий хозяин».

Автор нескольких десятков книг очерков, рассказов и повестей, участник войны Анатолий Медников в 70-е годы был членом секретариата Московского отделения Союза писателей РСФСР. В своем дневнике он частенько упоминает имя Ильина.

Например, персональное дело писателя В.Е. Максимова обсуждалось после публикации за рубежом его повести «Семь дней творения».

Вот что зафиксировал Медников для истории о состоявшемся заседании секретариата:

«Началось с того, что Ильин зачитывал документы. Он утверждал, что Максимов – это не настоящая фамилия, настоящая – Самсонов; что после отсидки в лагере Владимир Емельянович в Ленинграде купил метрики на имя Максимова... Впрочем, на это никто особенного внимания не обратил.

Мне интереснее показалось другое. Одно время Ильин опекал Максимова, «воспитывал», вел с ним дружеские беседы, выхлопотал ему квартиру. В повести Максимова, и это вспомнил Наровчатов, есть положительный персонаж с биографией Ильина среди десятков отрицательных коммунистов.

После Ильина выступали Наровчатов и остальные члены секретариата; все говорили о том, что Максиму нет места в Союзе писателей. Казалось, вопрос был ясен. Но неожиданно выступил известный критик Ал. Михайлов. Он сказал:

– Видимо, я останусь в одиночестве. Мне не все ясно. Повести «Семь дней творения» я не читал. Когда работал в аппарате ЦК на Старой площади, вызывал Максимова к себе по поручению Поликарпова. Мы ему тогда помогли с издательскими делами. Думаю, что на оценки «Посева» и княгини Шаховской нельзя полагаться, хочу сам прочитать и убедиться...

Как он выразился – “зарезервирую свое мнение”. Это означало, что при голосовании Ал. Михайлов воздержится. После этого выступил Стрехин и повторил то, что говорил на бюро прозаиков, – антипатриотическая, фашистская литература. И упрекнул критика за его нерешительность и колебания.

Ильин второй раз взял слово.

– Надо быть глухим и слепым, чтобы не разобраться в Максимове, – заявил он.

Ал. Михайлов, волнуясь, так же резко возразил Ильину, что он не имеет право так думать и с кондачка или с чужих слов не хочет определять свою позицию. Его поддержал Наровчатов и успокоил членов секретариата, сказав, что мы тут собираемся как раз затем, чтобы свободно, согласно гражданской совести каждого, обмениваться мнениями.

Затем состоялось голосование. Все были за исключение, кроме воздержавшегося Ал. Михайлова. Позвали в комнату Максимова: на само заседание секретариата он явиться отказался и ждал решения, сидя в ресторане. Войдя в комнату, Максимов остановился в дверях. Наровчатов зачитал ставшую уже трафаретной формулу: “Сочли несовместимым творчество Максимова с пребыванием в Союзе писателей и приняли решение исключить из членов Союза писателей СССР”».

Сам В.Е. Максимов так вспоминал о разговоре с Ильиным: «Я предложил, что я, хотя и не буду каяться, все-таки никогда не буду печататься на Западе. При этом я прошу только об одном: чтобы мне дали минимальную возможность зарабатывать деньги литературным трудом – на переводах, на других переводах литературного характера. Больше я ни о чем не просил. Он мне ответил очень просто: “Ты хочешь поставить условия советской власти? Не смехи людей. На колени. А потом мы рассмотрим, что с тобой делать”.

Не менее примечательны слова, прекрасно характеризующие внутренний мир Виктора Николаевича Ильина, сказанные им, когда исключали из Союза писателей Лидию Чуковскую. На протест писателя Владимира Корнилова, который совершенно спокойно, без тени страха заявил:

– Истинные мужчины не бьют, пусть словами, немолодую, больную женщину. Поступок такой – по меньшей мере мерзкий.

– Не мелите чепухи! В политике пол никакого значения не имеет. Нашего великого вождя Ленина едва не убила, сократив ему жизнь, тоже женщина, Фаина Каплан. Чтоб ей и на том свете пусто было! – прокричал разгневанный оргсекретарь.

Комиссар госбезопасности

Виктор Николаевич Ильин родился 6 ноября 1904 года в Москве. В 1918-м, четырнадцати лет от роду, он записался в Красную Армию. Там и прошли все юные годы будущего оргсекретаря Московского отделения Союза писателей.

Летом 1920-го политбоец отдельного эскадрона третьего кавалерийского корпуса Ильин во время боя получил осколочное ранение и выпал из седла. Затем долгое время находился на излечении в Вильно и Петрограде. После выписки из госпиталя Виктор Николаевич стал курсантом Елизаветградских кавалерийских курсов, а позже – курсантом военно-политической школы Московского военного округа. Распредилили политрука Ильина в один из эскадронов кавалерийского полка дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ.

Через несколько лет Виктора Николаевича уволили по здоровью, из-за слабости зрения. Но на улице он не оказался, получив место секретаря заместителя начальника Военно-промышленного управления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР.

Здесь он буквально за короткое время обзавелся солидными связями.

Еще через несколько лет Ильин получает назначение во Всероссийское фотокинопромышленное АО «Советское Кино», которое впоследствии переименовывают в Московскую студию треста «Союзкинохроника». Заместителем директора становится не кто иной, как сам Виктор Николаевич. Кстати сказать, в 1929 году, в год пятидесятилетия Сталина, Ильину довелось сфотографироваться именно в этом качестве вместе с вождем, чем он долгое время гордился.

А в 1933 году по разнарядке ЦК ВКП(б) его мобилизовывают в органы ОГПУ. Начинается совершенно новый этап карьеры этого человека.

Как рассказывал сам Виктор Николаевич, в НКВД он работал сначала в отделе меньшевистских партий, кадетов, эсеров, меньшевиков, разумеется, бывших. Потом в «Восточном» отделе. Его противниками были англичане. И, наконец, его перевели в отдел «культуры». Именно так («культура») Ильин сокращенно обозначал содержание своей чекистской работы в секретно-политическом отделе.

Как утверждает А. Тепляков, «новый чекист показал себя способным работником и недолго входил в тонкости политического сыска. Оказавшись в штатах секретно-политического отдела (СПО), боровшегося с антисоветскими элементами, он начал делать стремительную карьеру. Умение из нескольких нелояльных к власти высказываний сделать политическую программу, подверстать (с помощью агентуры) к ней побольше “заговорщиков”, зачастую даже незнакомых друг с другом, проконтролировать с помощью внутрикамерных агентов-“наседок”, чтобы никто не отказался от выбитых показаний, – вот был класс чекистской работы Ильина».

Есть свидетельство очевидца, как ежедневно утром на так называемой «планерке» начальник чекистского подразделения Ильин доводил до следователей схемы будущих показаний арестованных. По этим «лекалам» сотрудники составляли протоколы, которые потом давали подписывать арестованным.

Известный чекист М.П. Шрейдер напишет в своих мемуарах, как после возвращения из отпуска в Иваново он поехал в командировку в Москву и встретил там бывшего комсомольца дивизии Особого назначения Виктора Ильина. Как раз тогда он еще работал в секретно-политическом отделе (СПО) и занимался следственными делами.

«На мой вопрос, – вспоминает Шрейдер, – что из себя представляет новый нарком, Виктор начал расхваливать его демократичность и простоту, рассказывая, что он ходит по кабинетам всех следователей, лично знакомясь с тем, как идет работа.

– И у тебя был? – спросил я.

– Конечно, был. Зашел, а у меня сидит подследственный. Спросил, признается ли, а когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии... И разъяснил: “Вот как надо допрашивать!” – Последние слова он произнес с восторженным энтузиазмом.

Обескураженный, с тяжелым чувством расстался я с ним. Ведь в течение стольких лет при Феликсе Эдмундовиче от всех чекистов строго требовали даже голоса на арестованного не повышать, не то чтобы ударить, а теперь “сталинский нарком” сам учит, как бить арестованных».

В 1937–1938 гг. Ильин отвечал за работу по разработке меньшевиков, а в декабре того же 1938 года выполнял спецпоручение Берия о расследовании в Орле и Ростове-на Дону так называемого дела троцкистских диверсий на дорогах. Считалось, что заговорщики проникли в ряды местных руководителей советских и партийных органов. Как выяснил Виктор Николаевич, в этом деле абсолютно все было сфабриковано. В Москву он вернулся, потрясенный примитивностью ложных обвинений, с которыми ему пришлось столкнуться, и доложил руководству, о том, что орловское и ростовское УНКВД попросту сфабриковали дела, с тем чтобы прочить собственное положение и укрепить свою репутацию.

Один из руководителей разведки советских органов безопасности, генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, отмечал, что у Ильина были профессорские манеры, и из-за мягкого доброжелательного характера он пользовался большим уважением у коллег по «цеху».

В своих воспоминаниях он, в частности, пишет: «После его представления дело было пересмотрено, а Ильин получил назначение на должность начальника третьего отдела Секретно-политического управления НКВД, что позволило ему добиться ареста двух важных осведомителей, снабжавших нас заведомо ложной информацией о якобы антисоветских настроениях среди ответственных работников.

Ильин вызвал осведомителей в Москву и приказал им представить подробные данные по делам двух подозреваемых. Получив их информацию, он убедился, что они за годы репрессий прекрасно научились искусству клеветы на тех, кого разрабатывали. Осведомителей-фальсификаторов арестовали и приговорили к десяти годам лагерей, а Ильин получил награду – знак “Почетный чекист”. Учитывая личные контакты Ильина с такими писателями, как Алексей Толстой, и прославленными музыкантами и композиторами, его часто принимал у себя Берия. Ильин также был в дружеских отношениях с Меркуловым».

* * *

Многие сегодня знают имя легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Сын уральских крестьян с чисто прусской внешностью с 1938 года выполнял особые задания по обеспечению государственной безопасности. В столице он оказался под началом майора госбезопасности В.С. Рясного из отдела контр-разведки центрального аппарата НКВД, который занимался проникновением в иностранные посольства. И в первую очередь, конечно же, немецкое.

Однажды агентурные донесения Кузнецова прочел Виктор Николаевич Ильин. В них Виктора Николаевича поразила прежде всего способность агента из деталей составить картину явления, определить настроения в театральной среде.

«В политическом сыске, считал Ильин, важно определить ту социально-профессиональную группу, которая концентрирует информацию и ускоряет ее, через которую наиболее интенсивно бегут информационные волны, – подчеркивает Эдуард Макаревич в своей статье “Плейбой советского масштаба”. – В СССР в 30-е годы наиболее информационно насыщенной и раскованной группой, в контакте с которой находили вдохновение партийные вожди, наркомы, военные, наши и иностранные дипломаты, была богема: писатели, поэты, музыканты, актеры и прежде всего актрисы.

С богемой общались, дружили, флиртовали. В том хмельном брожении чувств и страстей вертелась информация и обнажались настроения. Нужен был особый талант, чтобы улавливать и впитывать эти информационные и настроенческие потоки. Таким талантом обладал Кузнецов, и Ильин это понял.

Но кроме таланта охотника за информацией нужен был талант человека, которому можно довериться. И здесь Кузнецов не имел себе равных. А деньги и подарки для общения что масло для механизма. Поэтому Кузнецов вел небольшой бизнес – скупка, продажа ценных и дефицитных вещей и весьма талантливо преуспевал и на этой стезе.

Как опытный человек, Ильин с первой встречи отметил эти кузнецовские способности. Они поняли друг друга весьма скоро. Их взгляды на сущность творческой интеллигенции, на методы работы в этой среде рождали хитроумные ходы...»

Будущий разведчик посещал театры, слушал ансамбли и пение отдельных известных советских певцов. С артистами он гулял в «Метрополе» и «Национале», а на их квартирах виртуозно флиртовал и интриговал. Именно таким образом агент НКВД собирал необходимую информацию в той среде, которая непосредственно волновала Виктора Николаевича Ильина.

А. Тепляков называет его главным делом борьбу с «внутренним врагом» – «от самостоятельно мыслящих ученых и писателей до учащейся молодежи, часто из юношеской романтики создававшей подпольные группы для разъяснения себе и массам недостатков сталинской политики, изучения “истинного марксизма-ленинизма”. Отдел Ильина занимался борьбой с “антисоветскими формированиями” среди академической, научно-технической, гуманитарной, медицинской интеллигенции, работников искусства и литературы, советского управленческого аппарата, а также среди молодежи. Только за участие в “антисоветских политических партиях”, “организациях” и “группах” за 1941 г. в стране было арестовано 23 648 чел. Немалая часть этих жертв – на счету подчиненных Виктора Николаевича.

В предвоенные и военные годы Ильин проявил себя человеком, способным плодотворно контактировать и с контрразведкой. Согласно Судоплатову, Ильин с Маклярским в течение ряда лет “вели” очень перспективного агента Демьянова (“Гейне”) – выходца из дворян, путем классической провокации (ему подбросили оружие), завербованного в 1929 г. в осведомительную сеть. Позже Демьянов поступил в распоряжение Судоплатова и стал главным лицом в большой игре: чекисты его назначили эмиссаром фиктивной антисоветской организации “Престол”, перебросили через линию фронта, где “Гейне” тщательно проверили немцы, признали ценным... и сделали своим резидентом, что стоило им в итоге потери более двух десятков агентов».

К слову сказать, до 1941 года в госбезопасности СССР борьбой с «антисоветским элементом» занимался всего лишь один-единственный отдел: Отдел борьбы с контрреволюцией ВЧК с 1917 года; Секретный отдел ВЧК с февраля 1919 года; Секретно-оперативный отдел ВЧК с июня 1919 года; Секретный отдел ВЧК-ОГПУ с 1921 года; Секретно-политический отдел ОГПУ с 1931 года; Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД СССР с 1934 года; 4-й отдел ГУГБ НКВД СССР с 1936 года; 4-й отдел 1-го управления НКВД СССР с марта 1938 года; 2-й отдел ГУГБ НКВД СССР с сентября 1938 года.

А 26 февраля 1941 года «вечный» Отдел вдруг преобразуется в «вечное» Управление: 3-е управление НКВД СССР; с апреля 1943-го – функции бывшего 3-го управления НКВД СССР были переданы во 2-е управление НКГБ СССР (отделы 1, 2, 3, 4, 5 во 2-е управление НКГБ СССР).

На декабрь 1939 г. структура 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР включала в себя 12 отделений:

1-е – разработка троцкистов, зиновьевцев, правых оппозиционеров, мясниковцев, шляпниковцев, исключенных из ВКП(б), закордонная работа;

2-е – разработка бывших меньшевиков, анархистов, эсеров, бундовцев, клерикалов, провокаторов, жандармов, контрразведчиков, карателей, белоказаков, монархистов;

3-е – борьба с украинской, белорусской, карело-финской националистической оппозицией;

4-е – агентурная разработка антисоветских партий дашнаков, тюркско-татарских националистов, грузинских меньшевиков, мусаватистов;

5-е – разработка литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелей культуры и искусства;

6-е – разработка и обслуживание Академии наук, научно-исследовательских институтов, научных обществ;

7-е – выявление и разработка антисоветских организаций учащейся молодежи, системы Наркомпроса, детей репрессированных;

8-е – обслуживание системы Наркомздрава и его учебных заведений;

9-е – обслуживание системы Наркомюста, Верховного суда, Прокуратуры, Наркомсобеса и их учебных заведений;

10-е – борьба с церковно-сектантской контрреволюцией;

11-е – обслуживание системы физкультурных организаций, добровольных обществ, клубов, спортивных издательств;

12-е – обслуживание Осоавиахима, милиции, пожарной охраны, военкоматов, начсостава запаса.

Так что, вполне можно представить, какой опыт по содержанию своей чекистской деятельности получил в НКВД Ильин, занимаясь небольшевицкими партиями, кадетами, эсерами, меньшевиками. Затем поработав в «Восточном» отделе и, наконец, перейдя в «культуру».

Занимаясь так называемой культурой, Виктор Николаевич Ильин прекрасно знал своего «подопечного» Всеволода Блюменталь-Тамарина. И был несказанно удивлен, когда тот не просто остался на временно оккупированной территории, но и более того, ушел вместе с оккупантами.

Всеволод Александрович родился в 1881 году – актер, режиссер, сын известных актеров Александра Эдуардовича и Марии Михайловны Блюменталь-Тамариных. Официально на профессиональной сцене с 1901 года. Однако известно, что играл с семи лет. Окончил Московское реальное училище. В дальнейшем учился на первом курсе Тенишевского училища, но из-за студенческих волнений, в которых принимал участие, был отчислен. Как вспоминал сам Блюменталь-Тамарин, они выбросили тогда из окна чертежной подосланного полицейского шпика. «Вылетели» за это из училища 35 студентов. «После этого я решил бесповоротно – иду на сцену. Вступил в оперетту Шумана в Вильно, где отец был режиссером».

В 1917–1918 годах Блюменталь-Тамарин жил в Харькове. В Большом театре сыграл Царя Эдипа. При этом входил в труппу Городского театра. Осенью 1918 года был занят в спектаклях «Живой труп», «Маргарита Готье», «Касатка» и других. В 1919-м, когда город был занят частями Добровольческой армии генерала Деникина, Всеволод Александрович помимо театральной работы активно занимался общественной деятельностью. Но как только Красная Армия вошла на земли Украины, Блюменталь-Тамарина сразу же арестовали. Вмешавшийся же в его судьбу Луначарский спас ему жизнь.

А спустя всего-то семь лет (1926 г.) в Москве торжественно отмечалось 25-летие сценической деятельности Всеволода Александровича. Что, безусловно, говорит о его незаурядности как актера. На юбилейном спектакле он играл Кина. Сам Луначарский огласил правительственное постановление о присвоении юбиляру звания заслуженного артиста. Весь вечер для него пели А. Нежданова, Н. Обухова, Л. Собинов, танцевали Е. Гельцер и В. Тихомиров, играл Генрих Нейгауз.

Тем не менее Блюменталь-Тамарин уходит из театра бывшего Корша, собирает собственную труппу и создает Московский передвижной театр, с которым гастролирует по стране. Снимался в кино («На дальней заставе», 1940 год, реж. Е. Брюнчугин).

Известно, что, глубоко травмированный в детстве разводом родителей, известный актер на протяжении всей своей жизни сохранял очень близкие отношения с матерью и написал о ней мемуары («Блюменталь-Тамарина и ее время», опубликованные в 1939 году в журнале «Театр»).

Автор книги «Записки актера. Гении и подлецы» Георгий Бахтаров вспоминал: «В 1931 году мне и двум моим товарищам по Реалистическому театру предложили принять участие в гастрольной поездке Всеволода Александровича Блюменталь-Тамарина в Тулу и Харьков. В Харькове за день до окончания гастролей он пригласил нас на ужин в шикарный ресторан на Сумской. В отдельном кабинете был накрыт стол на четыре персоны. До сих пор помню все эти невообразимые закуски: янтарную лососину с лимоном, анчоусы, белугу в белом вине, холодную индейку с каштанами, на горячее – котлеты “Маршалль” (что-то фантастически вкусное из грудок рябчика, начиненных белыми грибами) и, наконец, десерт – клубника со взбитыми сливками. Всеволод Александрович был в ударе, увлеченно рассказывал о своей молодости, вспоминал театральные легенды, читал Блока и Лермонтова. В какой-то момент на пороге кабинета появился незнакомый человек средних лет в очках. Он внимательно слушал стихи. Блюменталь-Тамарин, уже захмелевший, пригласил его к нашему столу. Незнакомец приблизился и сказал: “Я вчера видел вас в “Кине”. Вы удивительный артист! И стихи читаете вдохновенно. А ведь в девятнадцатом году в Одессе по решению подпольного обкома партии я должен был вас застрелить! И только случай помешал мне сделать это. Вас обвиняли в том, что вы предали Лизу В. Она погибла в контрразведке”.

Блюменталь мгновенно протрезвел. “Это клевета и ложь, – сказал он, – когда в город вошли красные, я был арестован и приговорен к расстрелу. Но приговор был обжалован, и дело прекращено за недоказанностью обвинения”.

Хорошо начавшийся вечер был совершенно испорчен».

В 1941 году Блюменталь-Тамарину исполнилось 60 лет и в мае он отправляется в гастрольную поездку с программой, посвященной 100-летию со дня смерти Лермонтова. С началом войны, которая застаёт его на Западной Украине в Черновцах, Всеволод Александрович прерывает гастроли и, потеряв все свои костюмы, с огромными трудностями возвращается в Москву. Затем, захватив самые ценные вещи и архив, перебирается с семьей на дачу в Новый Иерусалим, что в 60 километрах от столицы и рядом с Волоколамским шоссе. Она была выделена еще его матери в дачном поселке НИЛ или «Наука. Искусство. Литература».

Себя Блюменталь-Тамарин считал немцем и неоднократно говорил: «Они нас не тронут – я же немец». Его отец был действительно немцем по национальности.

В октябре 1941 года, когда немецкие войска заняли Истру, они действительно не тронули известного советского актера. Более того, привлекли к сотрудничеству. Например, уже 2 февраля 1942 года Блюменталь-Тамарин выступал по радио с обращением, в котором призвал своих соотечественников не защищать сталинский режим и сдаваться. Дальше подобного рода передачи с участием артиста становятся регулярными: они выходят в эфир каждый вторник и четверг в 18.00. Не чурался Всеволод Александрович и публицистики, выступая в газетах врага своей родины с обличительными статьями: «Блюменталь-Тамарин обличает палача Сталина», «То, что вы не знаете о Сталине» и т. д.

27 марта 1942 года Военная коллегия Верховного Суда СССР заочно приговаривает Блюменталь-Тамарина к расстрелу.

У немцев бывший заслуженный артист РСФСР возглавляет Театр русской драмы в оккупированном Киеве, где одной из наиболее известных его постановок была переделанная пьеса «Фронт» А. Корнейчука, которая ставилась под названием «Так они воюют». Сам же он играл

в ней главную роль генерала Горлова. Словом, известный советский артист поставил на службу Третьему рейху всю силу своего таланта.

Ловко имитируя голос Сталина, Блюменталь-Тамарин озвучивал фальсифицированные указы советского правительства. Записанные на немецком радио Варшавы речи транслировались на оккупированных территориях. Затем он перебрался в Берлин. Там в эмигрантской газете «Новое слово» печатались объявления о его выступлениях в сценах из спектаклей: «Маскарад» Лермонтова, «На людном месте» Островского, «Гамлет» Шекспира, «Медведь» Чехова – 17 февраля 1943 года – в Шуман-зале, 13 июня 1943-го – в Бах-зале.

7 июля 1942 года очередное выступление Блюменталь-Тамарина по радио вызвало гнев Сталина, а 13 августа народный комиссар внутренних дел Берия разрешил Судоплатову и его подчиненным «проведение специального мероприятия в отношении Блюменталь-Тамарина».

В августе 1942 года из Москвы в блокадный Ленинград вылетел Виктор Николаевич Ильин, а уже вечером в штабной землянке он терпеливо ожидал чемпиона Ленинграда по боксу, начальника прожекторной станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского фронта сержанта Игоря Миклашевского.

Когда солдат наконец вошел, то интеллигентного вида чекист кратко представился: «Ильин». В тот вечер они проговорили несколько часов, а затем уже вместе вылетели в столицу. Говорят, только через несколько лет Миклашевский узнал, кем был на самом деле тот самый чекист Ильин.

В Москве Игорь Миклашевский (оперативный псевдоним «Ударов») на специальной базе 4-го Управления, в соответствии с планом, утвержденным заместителем народного комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Кругловым, под непосредственным контролем своих кураторов начал готовиться к выполнению специального задания.

Почему для этого Виктор Николаевич выбрал именно «Ударова»?

Во-первых, Игорь родился (1918 г.) в известной театральной семье. Его отец, Лев Лощилин, был хореографом Большого театра. Мать – актриса Камерного театра Августа Миклашевская – слыла одной из первых московских красавиц. Как известно, сам Сергей Есенин посвятил ей в 1923 году цикл стихов «Любовь Хулигана». Блюменталь-Тамарин был женат на Инне Лощилиной, родной сестре отца Игоря.

Во-вторых, «Ударов» учился в престижной московской школе, где достаточно углубленно изучался немецкий язык.

В-третьих, «Ударов» страстно увлекался боксом, а его успехи на ринге были впечатляющими. Он быстро стал мастером спорта, был чемпионом Ленинграда в среднем весе в 1938 и 1939 годах. В апреле 1941 года занял первое место в среднем весе на чемпионате Ленинграда, что автоматически открыло ему дорогу к участию в первенстве СССР. В спортивной прессе отмечали его наступательную манеру ведения боя, тактическую грамотность, не по годам зрелую технику, выдержку, хладнокровие.

Словом, Ильин весьма тонко подошел к подбору кандидата для выполнения специального задания в тылу противника, а также вместе с другими чекистами участвовал в его подготовке.

22 апреля 1943 года на одном из участков Западного фронта в районе деревни Борисовка Смоленской области «Ударов» под видом перебежчика перешел в расположение гитлеровских войск...

«В соответствии с разработанной легендой, – пишет автор статьи “Приступить к операции “Ворон” Николай Абин, – “Ударов” довел до немецких офицеров информацию о своем несправедливом “осуждении” судом военного трибунала за хулиганство и направлении в штрафную роту, из которой дезертировал. Но, видимо, что-то в его поведении вызвало подозрение у командира батальона, и тот устроил ему очную ставку с двумя другими военнотру-

жащими-перебежчиками. И здесь обнаружили некоторые разночтения в их показаниях. Над разведчиком нависла угроза расстрела.

Избежать его помог счастливый случай. Переводчик, бывший кинооператор, среди стопки пропагандистских материалов наткнулся на газету “Новое слово”, в которой была статья о Блюментале-Тамарине. “Ударов” воспользовался ситуацией и обратил ее в свою пользу.

Подозрения с него были сняты, фамилия дядюшки сыграла свою роль. Но поездка в Германию и встреча с ним разведчика, на которую так рассчитывали в Москве, не состоялись. “Ударова” вместе с другими перебежчиками и военнопленными отправили в смоленский лагерь. Казалось, что гитлеровцы о нем забыли, но в конце мая 1943 года на его имя поступило письмо от дяди.

Тот писал, что “рад благополучному уходу племянника из того ужасного строя”, советовал поступить на службу в РОА и обещал отозвать в Берлин для пропагандистской работы”. Воспользовавшись советом дядюшки, Миклашевский 15 июня 1943 года был зачислен в 437-й Восточный батальон, а в октябре он инициативно вышел на резидента разведотдела штаба Западного фронта с условной фразой: “Дорогая Лелечка, чувствую себя хорошо. Игорь”. Это сообщение руководству 4-го Управления означало: “легализовался хорошо, но подходов к Блюменталу-Тамарину не имею».

Первая встреча Игоря Миклашевского с дядей произошла в Кенигсберге 27 января 1944 года. Однако ликвидации бывшего советского актера помешала осечка пистолета. Перезарядить же оружие ему не удалось...

И только 10 мая 1945 года «Ударов» выстрелом из парабеллума, который похитил у своего приятеля еще 18 апреля, поставил последнюю точку в биографии предателя. Произошло это в городе Мюнзингене, когда брошенный своими фашистскими покровителями и разругавшийся с власовскими руководителями Блюменталь-Тамарин целыми днями просиживал в своей квартире.

А 3 июля «Ударов» вышел на связь с сотрудниками НКГБ СССР в Париже, назвав пароль: «Агент СССР “Ударов” прибыл». После чего доложил: «Задание выполнено. Печатные материалы, документы и личные записи артиста Блюменталья-Тамарина находятся у меня». Но об этом Виктор Николаевич Ильин узнал спустя долгие годы...

Поломанная жизнь

По утверждению А. Теплякова, «любезный Абакумов подставился, связавшись с одной неблагонадежной особой. Ильин сообщил Абакумову, что для него не является секретом “бытовые связи последнего с одной женщиной, на которую... были компрометирующие материалы”. Абакумов пришел в ярость. Ильин для него стал личным врагом, подлежащим уничтожению. Сначала в оборот взяли боевого товарища Ильина еще по Гражданской войне генерал-майора Бориса Теплинского, в досье которого были зафиксированы некоторые неосторожные высказывания. Тот, не выдержав “применения к нему мер физического воздействия”, признал вину в антисоветской пропаганде.

Самого же Ильина обвинили в разглашении служебных тайн, вредных разговорах и покровительстве Теплинскому. До поры до времени видному чекисту сходили с рук и родственники за границей, и приятельство с арестованными коллегами. Оказывается, брат матери жены и брат отца жены Ильина проживали аж в Соединенных Штатах, а сам Ильин в 1937 г. получил выговор “за притупление политической бдительности в отношении бывш. Начальника УНКВД Ленинградской области Медведя, осужденного в связи со злодейским убийством С.М. Кирова”. По версии Судоплатова, Сталин, узнав, что Ильин по телефону якобы предупредил Теплинского об интересе к нему со стороны контрразведки, пришел в ярость и велел немедленно арестовать болтуна. Начальник же следственного управления КГБ СССР А.А. Козырев, присутствуя в 1954 г. при рассмотрении партийного дела Ильина, заявил, что поводом к аресту стало высказывание Виктором Николаевичем претензий к Абакумову насчет одной из женщин: ту же версию приводит и М.П. Шрейдер».

Сам Ильин рассказывал про свой арест (М. Степичеву «Встань за правду»), который помнил до мелочей, примерно так: однажды весной 1943 года комиссар госбезопасности 2-го ранга заместитель наркома обороны СССР (19.04.43 г.) и начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР (19.04.43 г.) Виктор Семенович Абакумов попросил Ильина зайти к себе. «Ильин знал Абакумова еще в то время, когда тот работал помощником оперуполномоченного ГУЛАГа. Потом оказался в следственной группе, где и отличился умением фабриковать “дела” на невинных людей, “добывать” у арестованных любые нужные начальству признания.

– Знаешь Теплинского? – с ходу спросил Абакумов.

– Знаю.

– Откуда?

– Это мой товарищ. Вместе служили в армии. Я рекомендовал его в партию.

– А знаешь ли ты, что он тебе пишет одно, а сам думает о другом? – мрачно заметил Абакумов. Неожиданно хозяин кабинета достал из папки фотокарточку и сказал: – Вот его лицо. Лицо, которое не вызывает доверия.

– Для такого заключения одного выражения лица мало... Я не верю, чтобы Теплинский мог допустить что-то нехорошее, – твердо заявил Ильин. – Он надежный партийный товарищ. Активный участник гражданской войны. Имеет три ранения. Патриот до мозга костей. За каждое свое слово отвечаю перед партией...

Абакумов резко встал и заговорил тоном приказа:

– Прекрати связь с ним. Но так, чтобы он ничего не заподозрил. Не смей ему говорить ничего о нашем разговоре. Ни единого слова!

Видя, что Ильин не уходит, Абакумов спросил:

– Ты что-то хочешь сказать?

Ильину было ясно, что сегодня разговор не получится, ситуация складывается трудная, но он не мог даже в этот критический момент отступить ни на йоту от правды.

– Бориса Теплинского я знаю лучше тебя.

– Лучше меня? – вспыхнул Абакумов. – Не забывайся, комиссар госбезопасности.

Было уже поздно, но он решил пешком пройти до дому. Ясно одно: над Теплинским нависла угроза. За что? И чем больше думал в тот вечер, тем больше утверждался в мысли: нет, не может он отшатнуться от друга, предать товарища, верного бойца революции».

В апреле 1943 года «Теплинский позвонил Виктору на работу и сообщил, что его вызывают к начальнику отдела кадров ВВС. После этого Теплинский не вернулся на квартиру. Потом выяснилось, что сам Абакумов арестовал генерала, привез в свой кабинет и, сорвав с него погоны, приказал “обрядить” в старые солдатские гимнастерку и брюки.

На другой день зам. наркома Кобулов предложил Ильину дать письменное объяснение, почему он не только игнорировал указание Абакумова порвать связь с Теплинским, но и привез его к себе на квартиру. Ильин дал такое объяснение и в конце его заключил: “Я написал все. Добавить больше нечего. Если бы все это повторилось снова, я поступил бы точно таким же образом”.

3 мая 1943 года вечером Ильина вызвали к Меркулову. Здесь уже сидел Абакумов. В томительной тишине Меркулов внимательно читал какую-то бумагу. Наконец закончил чтение, вернул листы Абакумову и, обращаясь к Ильину, глухо произнес:

– Получено указание о вашем аресте.

– Неужели сейчас, когда идет жесточайшая битва на фронте, я нужнее в лагерях, а не на передовой? – сказал Ильин.

Ему не ответили. После звонка Меркулова в кабинет вошел начальник внутренней тюрьмы и увел Ильина в камеру-одиночку».

Уже в тюремной камере как-то вырвалось из уст Виктора Николаевича по поводу Абакумова:

– Он у меня когда-то папки подшивал. Но быстро вырос благодаря своей жестокости!

И вот начальник внутренней тюрьмы, хорошо знакомый Ильину, смущаясь произносит:

– Виктор Николаевич, придется вам пройти со мною...

Как запомнил на всю свою жизнь Ильин, при этом он произвел сразу же два нарушения порядка при аресте. Во-первых, не отобрал тут же у Ильина личное оружие – пистолет, и второе – не снял с него погоны. Все это проделали уже другие во внутренней тюрьме...

И еще. Как отмечает генерал Судоплатов, «в соответствии с правилами, отмененными лишь при Горбачеве, никто не имел права арестовать высокопоставленное должностное лицо без согласия начальства. Бывали, правда, исключения, но каждый раз они рассматривались как ЧП. Ордер на арест подписывал прокурор, но на нем в левом нижнем углу обязательно должна была быть санкция непосредственного начальника того лица, которое подвергалось аресту: “Согласовано” – и подпись. Как я уже сказал, санкция Берия в данном случае отсутствовала». То есть Абакумов арестовал Ильина без санкции Берия...

* * *

Согласно учетно-послужной карте (№ 268490), до сих пор находящейся на хранении в Российском государственном военном архиве, генерал-майор авиации Теплинский Борис Львович родился 12 августа 1899 года в городе Харькове. По национальности украинец, родной язык русский (украинский). Социальное происхождение: мещанин, профессия до поступления на службу: учащийся. Основная профессия родителей записана, как работники сцены. В дальнейшем у матери указана профессия актера. Беспартийный. Женат: жена Александра Васильевна Савушкина.

Образование: 8 классов 2-й Харьковской мужской гимназии. Военное: окончил Военную академию РККА.

Участвовал в боях:

Против Краснова и Каледина с 10.01 по 15.03.1918 года.

Петлюры с 9.04 по 10.07.1918 года.

На Царицынском фронте с 15.07 по 20.10.1918 года.

В Наступлении на Украину с 20.10.1918 г. по 1.02.1919 года.

Против Врангеля и Деникина с 16.07.1919 г. по 24.11.1920 года.

Ранения:

Ранен в левое плечо 20.07.1918 года.

Ранен в левую ногу и контужен 6.08.1919 года.

Ранен в правую руку 3.08.1920 года.

Вступил на службу рядовым 17 июля 1916 года. Рядовой 17 Черниговского Гусарского полка.

Прохождение службы в Красной Армии:

1 месяц – отряды Червонного казачества – инструктор по формированию. 21.12.1917 г.

3 месяца – отряды Червонного казачества – комвзвода. 10.01.1918 г.

5 месяцев – Бахмутский рабочий полк – начальник конной разведки. 23.04.1918 г.;

5-й Карачинский стрелковый полк – начальник конной разведки. 18.07.1918 г.;

1-й Суджинский стрелковый полк – начальник конной разведки. 11.10.1918 г.

3 месяца – Туземная сотня при коменданте г. Харькова – пом. командира сотни. 1.02.1919 г.

2 месяца – комендатура г. Харьков – адъютант строевой части. 12.05.1919 г.

2 ½ месяца – Сумской крепостной полк – начальник конной разведки. 16.07.1919 г.

6 месяцев – 369-й стрелковый полк – адъютант полка. 23.09.1919 г.

6-й кавполк 8-й Червонной казачьей дивизии – адъютант полка. 14.10.1919 г.

3 ½ месяца – 46 дивизия – для поручений при начальнике дивизии. 1.04.1920 г.

1 месяц – 52 стрелковая дивизия – комроты. 15.07.1920 г.

2 ½ месяца – сводная кавдивизия войск 13-й армии – пом. нач. штадива по оперативной части – 6.08.1920 г.

11 месяцев – 115-й кавполк – командир эскадрона. 13.10.1920 г.

16-я кавдивизия – командир эскадрона. 1.12.1920 г.

1 месяц – 16-я кавдивизия – для поручений при нач. развед. отдела. 1.10.1921 г.

6 месяцев – командующий ЧОН и начальник Всеобуча Крыма – секретарь. 28.09.1921 г.

5 месяцев – начальник управления войск ОГПУ Украины и Крыма – для поручений. 20.03.1922 г.

1 год – штаб ч. ПУ Украинского округа – ком. кав. полка. 1.09.1922 г.

3 года – Военная академия РККА – слушатель. 7.10.1922 г.

11 месяцев – дивизия ОСНАЗ при коллегии ОГПУ – пом. ком. див. 29.10.1925 г.

Высшая пограничная школа ОГПУ – шт. преподаватель. 1.11.1926 г.

1-е Управление штаба РККА – помощник нач. III отдела. 1.11.27 г. РВС-381.

Школа Червонных старшин – преподаватель тактики. 1.10.29 г. РВС-502.

10-е Управление штаба РККА – Пом. нач. 4 сектора. 1.04.30 г. РВС-305.

10-я артиллерийская бригада – начальник штаба. 15.11.30 г. РВС-907.

Военно-техническая академия РККА – преподаватель. К-10. 17.11.31 г. Р-0401.

Военно-Воздушная академия – преподаватель. 15.12.31 г. Р-0468.

Борис Львович Теплинский был награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». В дальнейшем, после окончания Академии Генерального штаба, был оставлен в ней адъюнктом на кафедре авиации. Хорошо владел двумя иностранными языками: английским и французским. Последняя должность – начальник штаба ВВС Сибирского военного округа. Кандидат в члены ВКП(б) с 1939 года.

* * *

Генерала Теплинского арестовали 28 апреля 1943 года как участника антисоветского военного заговора. В. Смирнов в своей книге «Вплоть до высшей меры» пишет: «В ходе “следствия” Теплинский вынужден был признать себя виновным в том, что с 1929 года состоял участником антисоветского военного заговора, в который был вовлечен бывшим заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии Вакуличем (в 1938 году осужден к расстрелу...). Признавал себя виновным Теплинский и в антисоветской агитации. Затем он отказался от показаний об участии в антисоветском военном заговоре. Поскольку объективных доказательств в подтверждение этого обвинения не имелось, обвинение Теплинского в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58—1 “б” и 58—11 УК РСФСР, было снято. Но это не означало освобождения Теплинского из-под стражи. Ведь он признался в проведении антисоветской агитации. Поэтому “следствие” продолжалось. Как оно велось? Обычным для того времени способом: путем лишения сна, применением многодневных “стоек”, жестоким избиением».

На первом же ночном допросе, который проводился с пристрастием, Абакумов выбил Теплинскому два передних зуба. И Борис Львович вынужден был рассказать, что сам Ильин советовал ему, как лучше себя вести, чтобы не дать оснований для обвинения в симпатиях к врагам народа. Именно после показаний арестованного Теплинского была получена санкция Сталина на арест Ильина.

На очной ставке, которую Абакумов с «любовью» устроил для двух друзей, избитый накануне Теплинский повторил свои показания. А Виктор Николаевич Ильин, возмущенный таким поведением генерала, влепил ему пощечину, назвав друга самой настоящей бабой.

Вспоминая эти страшные, дни Ильин рассказывал: «С усердием следствие занялось “созданием” дела на Ильина – Теплинского. Его было поручено вести Лихачеву и Соколову. Они пользовались особым доверием Абакумова.

Сначала Соколов добивался у Ильина самоговора и дачи ложных, клеветнических показаний. Не удалось. Занялись политической компрометацией Ильина как члена партии и чекиста. В свое время Ильин дал Теплинскому рекомендацию для вступления в кандидаты партии. Потом написал партийный отзыв, когда Теплинского назначили начальником оперативного отдела ВВС. Следователи представили дело так: Ильин, давая свои рекомендации, якобы не только знал о троцкистских взглядах и высказываниях Теплинского, но и сам принимал участие в этих разговорах. Ильин возражал:

– Это – ложь! Я отказываюсь отвечать на провокационные вопросы.

Следователи вынудили Теплинского признать факт участия Ильина в разговоре Теплинского со своим товарищем по академии, когда они с троцкистских позиций критиковали политику ЦК, а Ильин с ними не соглашался и защищал политику, проводимую ЦК партии. Необоснованно принимая на себя удар, Теплинский этим хотел спасти Ильина, облегчить его участь.

На очной ставке Виктор Николаевич твердо и доказательно заявил:

– Теплинский клеветает на себя, на своего товарища и на меня. Такого разговора не было. И не могло быть!

Очную ставку прервали, и Соколов грубо вытолкнул Ильина из кабинета. Теплинский, поняв, что его обманули следователи, полностью отказался от своих показаний... И ничто уже, даже применение средств физического воздействия, не помогло следователям добиться, чтобы Теплинский повторил свои ложные показания.

После очной ставки, идя по узкому, темноватому коридору, Ильин думал, что этот разговор, видимо, приблизит развязку. Шедший рядом следователь, словно угадав мысли, сказал:

– Что вы упрямитесь?

- Это не упрямство, а борьба за истину.
- Все равно ведь конец...
- У каждого он будет, – заметил Ильин. – Но еще посмотрим, у кого раньше.
- Посмотрим».

Пройдут годы. Бывшего начальника отделения следственного отдела ГУКР СМЕРШ, а также бывшего заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковника К.А. Соколова уволят в отставку в возрасте 53 лет в июне 1954 года.

Когда Ильин уже будет работать в Московском отделении Союза писателей, ему сообщат, что к нему на прием просится один соискатель. В кабинете оргсекретаря проситель принялся аккуратно раскладывать на столе свои документы. Внимательно присмотревшись к человеку, Ильин узнал в нем того самого следователя Соколова.

«По-моему, мы знакомы», – глядя в упор, холодно сказал он ему.

Вошедший, внимательно посмотрел в лицо бывшего арестанта, побледнел, подхватил свои бумажки и пулей вылетел из кабинета...

Но вернемся к мемуарам П. Судоплатова: «Не найдя свидетелей для подтверждения показаний Теплинского, Абакумов оказался в сложном положении: ведь необходимо было заручиться показаниями двух свидетелей. Поскольку никто из окружения Теплинского в военных верхах даже не знал о существовании Ильина и не мог дать показания против него, найти второго свидетеля для обвинения представлялось проблематичным, а без этого нельзя было передавать дело для слушания в Военную коллегия. Ильина избивали, лишали сна, однако он не только отказывался признать себя виновным, но даже не подписывал протоколы допросов. Для оформления дела их необходимо было предъявить Сталину, чтобы он решил дальнейшую судьбу подследственного, и Абакумов боялся предстать перед Сталиным без убедительного обвинительного заключения. Хотя Абакумов не смог доказать вину Ильина, тот по-прежнему оставался в тюрьме.

На допросы Ильина вызывали в течение четырех лет, с 1943 по 1947 год. Его держали в одиночной камере и периодически избивали, чтобы получить признания. Через четыре года на него махнули рукой, но еще целых пять лет он оставался в тюрьме, где в разное время его сокамерниками были министр авиационной промышленности Шахурин, маршал авиации Новиков и министр иностранных дел Румынии. Ильин никому не говорил, что он офицер-чекист. По его версии, он работал в техническом отделе киностудии документальных фильмов. Понимая, что является жертвой борьбы за власть, Ильин дал себе слово ни в чем не признаваться и лучше умереть, чем запятнать свою честь. Ему удавалось даже сохранять чувство юмора. Однажды он спросил у своего следователя, проводившего допрос:

– А что означает орденская ленточка у вас на груди?

Офицер ответил, что это орден Ленина. Ильин заметил:

– Вот какая мне оказана честь – дело поручено человеку, награжденному орденом Ленина. Значит, мое дело очень важное!

В июле 1951 года Ильин был переведен в Матросскую тишину и помещен в специальный блок тюрьмы ЦК партии. Находившимися там подследственными занимался Комитет партийного контроля, который расследовал дела членов ЦК и офицеров госбезопасности. Начальник тюрьмы предупредил его о серьезных последствиях, если он не признает свою вину перед партией. Новый следователь, появившийся на очередном допросе в форме генерал-майора юстиции, был заместитель военного прокурора Советского Союза Китаев. К безмерному удивлению Ильина, Китаев потребовал от него показаний о предательской деятельности Абакумова, в ответ Ильин попросил предъявить доказательства, что это не провокация. Охранник вывел его в коридор и подтолкнул к глазку камеры, где сидел заклятый враг Ильина Абакумов.

Тем не менее, Ильин отказался свидетельствовать против Абакумова, дальновидно рассудив, что Абакумов в свое время обо всем докладывал Сталину и если он, Ильин, сейчас рас-

скажет о сфабрикованных Абакумовым делах, то его могут обвинить в содействии этим преступлениям. Ильин дал показания, что в своей работе после 1933 года не имел с Абакумовым никаких контактов, лишь изредка встречал его на Лубянке, а также во время инспекционной поездки в Ростов в 1938 году. Китаев был неудовлетворен его заявлением и перевел Ильина обратно на Лубянку, где допросы тут же возобновились. Однако их тон сделался совершенно иным. Теперь его обвиняли в том, что он неправильно понимал свой служебный долг, поддерживая контакты и дружеские отношения с подозрительными людьми. Через полгода Комендант Министерства госбезопасности (МГБ) генерал-майор Блохин объявил ему: за служебные упущения Особое совещание приговаривает Ильина к девяти годам тюремного заключения.

Срок заключения истек – Ильин отсидел девять лет. Перед освобождением ему предложили пройти в кабинет для оформления необходимых документов. Ильин рассказывал мне, что Блохин являлся не только начальником комендатуры, но отвечал и за приведение смертных приговоров в исполнение (в ряде случаев он сам приводил их в исполнение), поэтому, когда его вызвали к Блохину, перед ним за одну-две секунды мысленно прокрутилась вся его жизнь. Он был уверен, что сейчас, сию минуту, его поведут в комендатуру на расстрел. Однако его привели в обычный кабинет, где он дал подписку о неразглашении обстоятельств дела и условий содержания под стражей. Он получил справку об освобождении, временный паспорт и свою старую форму комиссара госбезопасности, теперь генерал-майора, без погон, которая за эти годы порядком обветшала».

16 февраля 1952 года обвинительное заключение по делу Теплинского утверждает заместитель министра государственной безопасности СССР полковник Рюмин. В нем, в частности, указывалось: «во время учебы в Военной академии в 1923 году Теплинский установил связь с рядом троцкистов, разделял их взгляды и сам выступал против политики партии и Советского правительства. В 1927 году якобы от троцкизма отошел. В 1927–1928 годах встречался с активными троцкистами Радеком и Серебряковым. В 1933 году в беседе с Трухиным и Бессоновым высказывал “террористическое намерение против главы Советского правительства”».

27 марта 1952 года дело Теплинского рассмотрела Военная коллегия Верховного Суда СССР. В содержании протокола судебного заседания будет отмечено: «Теплинский признал себя виновным в проведении антисоветской агитации и заявил, что в тюрьме он находится за дело». Более того, суд признает Теплинского виновным в том, «что он в 1937–1940 годах, будучи антисоветски настроенным, среди своего окружения вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий партии и Советского правительства. Во время Отечественной войны в 1941–1942 годах в Новосибирске продолжал вести антисоветскую агитацию, также направленную против мероприятий партии и Советского правительства. Заявлял о необходимости упразднения в Советской Армии военных советов и института комиссаров. На основании ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР Теплинский приговаривается к лишению свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества».

Виктор Николаевич Ильин до конца дней своих будет помнить, как ночью в коридоре раздавался лязг соседней камерной двери и был четко слышен скрип сапог выходящего из такой же одиночки человека, которого в очередной раз вели на допрос. Это был его друг генерал авиации Теплинский. На скрип его сапог Ильин обратил внимание еще в прошлой жизни – на аэродроме. Теперь же его шаг был неровный, с явной аритмией... Аритмия появилась после перенесенного в тюрьме инфаркта.

За все долгие годы заключения и на допросах, и на очных ставках Виктор Николаевич не подписал ни одного протокола. «Я сам себя зауважал, стал к себе обращаться на “вы”», – нередко с заслуженной гордостью говорил бывший чекист.

Спустя годы Ильин расскажет Судоплатову, как выпущенный на волю поздним вечером, без денег, он решил найти убежище в приемной МГБ на Кузнецком мосту.

«Он знал, что война кончилась, но не знал, как она изменила жизнь людей: ему было неизвестно, что в стране произошла денежная реформа и в обращении совсем другие деньги. Он также не знал, где его семья и что с ней. Утром выяснилось, что его жена развелась с ним, так как не имела сведений о нем и считала, что он погиб. Она снова вышла замуж, и их дочь жила с ней.

Ильин попробовал связаться с Меркуловым, который стал министром Госконтроля. Он пришел в министерство, секретарь доложил Меркулову, а потом сказал, что фамилия Ильина министру ни о чем не говорит. Ему некуда было идти. Но снова вернулся в приемную МГБ и сделал попытку позвонить Шубнякову, бывшему своему заместителю.

Он не знал номер его телефона и у него не было монеты, чтобы позвонить из автомата, поэтому он набрал свой старый номер, воспользовавшись внутренним телефоном в приемной МГБ. Ответил дежурный офицер, который узнал его и разговаривал с ним с явной симпатией: репутация Ильина все еще оставалась высокой среди ветеранов НКВД. Оказалось, что Шубняков арестован в 1951 году, вслед за Абакумовым. Офицер из приемной МГБ одолжил Ильину пятьсот рублей (тогда это была довольно большая сумма) и посоветовал немедленно уехать из Москвы.

Ильин поехал в Рязань, где жил его двоюродный брат. Там он устроился на работу грузчиком на железнодорожной станции. О своем прибытии в город он сообщил в местное отделение госбезопасности на железной дороге, и через два месяца они помогли ему получить должность бригадира грузчиков. От него, правда, потребовали, чтобы он сказал своим товарищам по работе, что был осужден не по политической статье, а за растрату и другие должностные преступления, и обещали сделать соответствующую запись в трудовой книжке. Но Ильин отказался, опасаясь, что его могут обвинить в сокрытии своего прошлого. Так в возрасте сорока восьми лет он начал новую жизнь».

Борис Львович Теплинский первым стал писать наверх жалобы, по которым была проведена дополнительная проверка. В ходе нее он категорически отказался от своих «признательных» показаний, заявив, что они были буквально выбиты из него. В течение десяти суток его лишали сна: все это время он стоял, его жестоко избивали.

Также в ходе проверки было установлено: «Теплинский допрашивался в ночное время до 5–6 часов. Его 108 раз вызывали на допросы, а протоколов допросов составлено всего 15. К тому же некоторые из них датированы не теми числами, когда его фактически допрашивали. Свидетели, избличавшие его в 1943 году в проведении антисоветской агитации, от своих показаний отказались, заявив, что вынуждены были оговорить Теплинского в результате избивений, которым они подвергались. Бессонов и Трухин, избличавшие Теплинского в совершении преступления, умерли в 1944 году. Другие свидетели не привели ни одного высказывания Теплинского, которое можно было бы квалифицировать как антисоветскую агитацию.

На допросе 20 февраля 1954 года Теплинский показал, что перед рассмотрением дела в судебном заседании вызвавший его полковник Флягин рекомендовал “не брыкаться” на суде, иначе ему будет плохо. Когда же он спросил Флягина, что за суд через восемь с половиной лет после ареста, тот цинично заявил: “Надо же юридически оформить ваше пребывание в тюрьме”. Поэтому, пояснил Теплинский, он вынужден был в суде оговорить себя».

Военная коллегия Верховного Суда СССР 14 мая 1955 года рассмотрела заключение Генерального прокурора СССР, составленное в порядке ст. 373 УПК РСФСР, и приговор в отношении Теплинского отменила по вновь открывшимся обстоятельствам, дело прекратила за отсутствием состава преступления, а не за недоказанностью обвинения, как это предлагалось в заключении Генерального прокурора СССР.

Вскоре друзья встретились... Трудно описать эти секунды, когда Ильин, находясь уже на свободе, в городе Щербакове встречает исхудалого и прихрамывающего друга Теплинского...

Они крепко молча обнялись, а потом вместе стояли и плакали... Два взрослых человека, два генерала, два участника Гражданской войны, два бывших заключенных...

А потом Борис Львович дрожащими руками достанет из ящика письменного стола документ и протянет Виктору Николаевичу. Будто помутневшими глазами Ильин бегло прочтет: «Приговор Военной коллегии от 27 марта 1952 года в отношении Теплинского Б.Л. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами отменить, и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Позднее, в партийном органе, Ильину выдадут копию письма, написанного Теплинским, в котором слова Бориса Львовича будут звучать, как звуки колокола: «Я считаю долгом своей совести заявить, что та ленинская партийность, верность нашей дружбе, которые проявил Ильин в течение пережитых нами обоими страшных девяти лет, является одним из самых высоких проявлений человеческого духа и относится к тем качествам, которыми может гордиться каждый подлинно советский человек».

31 июля 1953 года Особое совещание прекратило дело Ильина за отсутствием состава преступления, а в июне 1954 г. ему вернули партийный билет. А. Тепляков в своей статье отмечает: «При рассмотрении дела в КПК партследователи отметили, что Ильин, будучи ответственным работником НКГБ, ...разглашал перед своими знакомыми известные ему по службе секретные данные. Так, в 1938 году Ильин в разговоре с уволенным из органов НКВД Рутковским А.Ф. (осужден в 1939 году как участник антисоветской организации) информировал его об арестах их общих знакомых работников НКВД и характере их показаний, а также рассказал, что знакомый ему скрипач оркестра ГАБТа (М.И.) Садовский арестован за шпионскую деятельность и на допросе дал на него, Рутковского, компрометирующие показания, и что органы НКВД намечали арест Рутковского».

Признав это, Ильин напишет в своих объяснениях, что он сообщил эти данные Рутковскому, «исходя из товарищеских с ним взаимоотношений, возникших по совместной работе в органах НКВД». Также Ильин в 1942 г. «сообщил жене Теплинского... известные ему данные о переходе на сторону немцев знакомого им бывшего генерал-майора Трухина Ф.И. (начальник штаба Власова), имея цель предупредить Теплинских, чтобы они порвали дружеские отношения с женой Трухина».

После реабилитации Теплинскому вернули воинское звание «генерал-майор авиации», он переехал в Москву, где снова вернулся к разработке важнейших научных проблем. Например, работа Бориса Львовича «Об особенностях взаимодействия авиации с наземными войсками и о роли авиации в современной войне» будет издана в 1965 году. Фамилия генерала Теплинского будет стоять рядом с такими именами, как М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев, А.И. Егоров, Б.М. Шапошников. А 1 декабря 1972 года Бориса Львовича Теплинского не стало.

О своей реабилитации В.Н. Ильин рассказал генералу Судоплатову, который еще только собирался написать книгу, вышедшую лишь в девяностые годы прошлого столетия.

«После смерти Сталина он подал на реабилитацию. Первое прошение было отклонено, но ему разрешили вернуться в Москву. Ильин устроился в транспортный отдел Моссовета. Реабилитировали его в 1954 году после расстрела Берии и моего ареста. В течение года ему отказывали в полной пенсии, положенной сотрудникам госбезопасности. Этому противился Серов, заявляя, что Ильин скомпрометирован связью с Теплинским, все еще отбывавшим срок как враг народа.

Через три дня после моего освобождения из тюрьмы в 1968 году Ильин навестил меня. Я узнал, что судьба вновь улыбнулась ему. В 1956 году его бывший куратор в ЦК стал заместителем заведующего отделом культуры ЦК партии. Ему нужен был честный и опытный администратор на пост оргсекретаря Московского отделения Союза писателей. Предшествующий опыт работы Ильина, в прошлом комиссара госбезопасности по вопросам культуры, делал его

кандидатуру на этот пост вполне подходящей. К тому же его поддержали такие писатели, как Федин и Симонов. Партийному руководству нужен был в Союзе писателей человек, который бы знал всех, включая осведомителей. Ильин идеально соответствовал своей новой должности и работал в Союзе писателей до 1977 года».

Исповедь перед смертью

В 1976 году Виктор Николаевич Ильин принял решение уйти на пенсию. Об этом событии есть весьма любопытная запись в дневнике писателя Анатолия Медникова: «...И вот памятный мне оргпленум 1976 года. Первым вопросом шло выдвижение Михаила Луконина на должность Первого секретаря правления. С этим предложением выступил Михалков. Он сказал о Луконине: “Большой русский поэт, видный общественный деятель, воин, лауреат Государственной премии, секретарь СП СССР”. Потом взял слово Наровчатов и прочитал свое стихотворение о том, как он и Луконин уезжали на фронт в октябре сорок первого года с Киевского вокзала. Затем сказал, что Михаил Луконин “интернационалист”, храбрый, но осмотрительный, ибо можно быть храбрым безрассудно.

После голосования – “тронная речь” Михаила Луконина. Она была краткой. Между прочим, он сказал:

– Не такая уж она трудная, Московская организация. Она по своей духовной сути – здоровая. Линия, которую вели Наровчатов и Смирнов, правильная, и я буду ее продолжать... Никто не собирается руководить в том смысле, чтобы водить пером писателя. Мы создаем спокойную творческую обстановку, – заметил Луконин.

Но для спокойной творческой обстановки не подходил Ильин. Я не знаю, был ли у него с Лукониным предварительный разговор, прямое объяснение. Когда, в какую из бессонных ночей Ильин принял решение уходить. Сначала на партгруппе, а затем и на пленуме для всех неожиданно прозвучало его заявление об уходе на пенсию. Сидевший в президиуме секретарь горкома Макеев сказал о Викторе Николаевиче самые добрые слова: заслуженный, уважаемый, но поступило такое заявление. Мнение горкома партии – уважить.

Начались выступления писателей. Хорошо говорили об Ильине поэт Сергей Смирнов, прозаики Григорий Бакланов, Сергей Болдырев, Петр Сажин, Виктор Полторацкий – все люди пожилые, в той или иной степени пользовавшиеся вниманием и благорасположением Виктора Николаевича. Сам уход Ильина на пенсию никто не оспаривал, поскольку было его заявление. Однако становилось неясным: почему организация должна лишиться такого отличного работника?

И, может быть, поэтому в президиуме возникла какая-то нервозность. Тогда, чтобы успокоить людей, слово взял сам Ильин. Он сказал: “Дорогие товарищи! За двадцать лет работы много пришлось потрудиться. Я износил нервную систему. Инстинкт самосохранения продиктовал мне это решение”. На это тут же откликнулся Макеев: “Ну, что ж! Кто за то, чтобы уважить этот инстинкт?”» Проголосовали единогласно...

...Ну а Виктор Николаевич Ильин еще многие годы изредка появлялся в клубе на партийных собраниях, подчеркнуто уважительно здоровался со всеми знакомыми, но в зале сидел тихо и больше уже никогда не выступал в доме писателей. Умер не от болезней, а попав под машину неподалеку от дома, где долго жил в одном подъезде с Сергеем Сергеевичем Наровчатовым.

Всю жизнь Ильин не только не скрывал своей принадлежности к Комитету государственной безопасности, но и не раз упоминал, что он лично знал многих руководителей ОГПУ-НКВД, с иными из них начинал вместе служебную карьеру в пору своей комсомольской молодости, в двадцатые-тридцатые годы...

Он много знал тайного и страшного, этот бывший генерал Ильин, и многое унес с собою в могилу. Был ли он тогда, в начале девяностых годов, так уж стар, что мог считаться в равной мере и бесполезным, и безопасным? Он-то сам, по-моему, так не думал. Ведь не случайно же по слухам, просочившимся в печать, последние слова его, лежащего на асфальте под колесами машины, были: «Кто меня сбил?...»

Потрет Ильина, дополняет и такой случай, подчеркивающий особенный, чекистский юмор: Сын Л. Кузнецовой провожал дочь Виктора Николаевича с затянувшейся вечеринки. «Уже за полночь подошли к номеру, который занимали Ильины. Виктор Николаевич дремал на диване в прихожей, видимо, поджидал дочь. Услышав скрип двери, приоткрыл один глаз и внятно сказал сыну: “Еще раз так поздно приведешь мою дочь – дам ход доносам на твоего отца”».

И еще один маленький штрих. Б. Сарнов вспоминает, как его двоюродный брат попросил оформить его дочку литературным секретарем. Она не смогла поступить на дневное отделение Института иностранных языков, поступила на вечернее. «А там нужна была справка (хотя бы и липовая), подтверждающая, что она где-то работает. Дело это было простое. Я должен был написать заявление, мне выдавали соответствующую бумагу, с которой я должен был пойти в какую-то контору (профсоюзную, что ли), где оформляли (договором) домашних работниц, секретарей и прочих служащих у частных лиц по вольному найму. Препятствием тут могло служить только одно: слишком маленький доход нанимателя. Поэтому в заявлении я свой доход несколько преувеличил.

Написав заявление и придя за бумагой, я не сомневался, что она уже лежит там для меня – готовенькая. Но секретарша... сказала:

– Виктор Николаевич твою справку не подписал. Он сказал, чтобы ты к нему заглянул. Я заглянул.

Виктор Николаевич был, как всегда, вежлив. Осведомившись о том, как я живу, и получив соответствующий ответ, не торопясь, приступил к делу. Стал расспрашивать про девицу, которую я хочу оформить своим литературным секретарем: сколько ей лет, чем занималась раньше, не родственница ли она мне? Я, не моргнув глазом, ответил, что нет, не родственница. Ложь эта далась мне легко: во все время этого разговора я видел, что беспокоит его вовсе не возможное мое родство с будущим моим литературным секретарем, а что-то совсем другое.

И вдруг в какой-то момент я почувствовал, что все это его беспокойство как рукой сняло. Случилось это, когда на прямой вопрос о моей Ирке – кто она? – я ответил: «Студентка-вечерница».

Тут у него словно камень с души свалился. Он быстро подмахнул нужную мне бумагу и милостиво отпустил мою душу на покаяние.

Он понимал, конечно, что справка липовая. Но эта “липа” его совершенно не волновала. А волновало его вот что. Как мне тогда же рассказали, незадолго до моего визита к Виктору Николаевичу Володя Максимов оформил своим литературным секретарем только что вышедшего (увы, ненадолго) из тюрьмы известного диссидента Володю Буковского. И Виктор Николаевич решил на всякий случай меня пощупать: не принадлежит ли девушка, которую я хочу снабдить липовой справкой, к той же шайке диссидентов-правозащитников».

Как мы видим, неоднозначно относились писатели к Виктору Николаевичу Ильину. Но многие его, безусловно, недолюбливали или же вовсе ненавидели. «Гэбэшник», как они называли оргсекретаря за глаза, никак не мог быть им другом. Да что там другом – даже товарищем! Однако большинство из них не знали всю трагедию его жизни. Окружающие его писатели не знали, как однажды Ильину сломал всю его жизнь коллега Абакумов. Как система доламывала его долгие годы в тюремной камере, а потом и на свободе за сто первым километром. Но если бы хоть один из них оказался в роли ненавидимого им Ильина, то интересно, что бы он сделал на своем месте? А ведь многие из них считали, что он жил в душевном комфорте до глубокой старости и казался неизносимым. Да нет! Просто этот человек пережил такое... и выжил, вопреки системе, вопреки Абакумову, вопреки смерти, что, как человек сильный, пережил многих. В том числе и своих врагов...

В отличие от большинства свидетельство литературного критика и писателя Владимира Федоровича Огнева можно назвать теплым, объективным и, если хотите, честным. В «Бликах

памяти» он пишет: «Про Ильина кто только не писал потом. Все, разумеется, хулили. А он был не худшим из множества тех, кого к нам приставляли “для порядка”. Получше многих. Известно, что и сам сидел, за то же самое, за что ему надо было сажать других. У него было свое понятие чести, преданность идее имела границы хотя бы элементарной порядочности. Для последующих охранителей эти качества вообще были недостижимы.

Сегодня, сознаемся, странно читать рассказ Роя Медведева. В.Н. Ильин первым допрашивает Бухарина – они пьют чай с бутербродами, говорят о “деле”, потом, видя, что Бухарин устал, Ильин предлагает ему лечь на диван тут же, в комнате следователя. Накрывшись кожаной курткой, Бухарин спит. И только где-то в первом часу ночи уходит в камеру. Соображение о том, что “добрый” и “злой” следователи так и были задуманы, имеет резон. Но скажем и так: “злой” и не смог бы сыграть роль “доброего”...

Не знаю, как там было дело с Бухариным. А как со мной – знаю.

Ильин питал ко мне, как он понимал, добрые чувства. Любил беседовать на темы нейтральные или рассказывал об отсидке. Оказывается, знал стихи и сам писал их. Ей-богу, не графоманские. Особенно запомнилось мне одно – об отчаянии. “Три шага вперед, три шага назад. Там – стена. И там стена”. Сидел он в карцере, ждал приговора, и, видно, пронзило – стал писать стихи. Важно вовремя почувствовать себя в чужой шкуре. Несомненно, зашоренный и ограниченный, Ильин и служа режиму, не чужд был шагов “в сторону”, не только – в стену.

Помню, как он достал для Окуджавы фотографию его отца из секретного архива, как искренне был обижен, что Булат якобы забыл фото на столике в ресторане. Помню, как он умолял нас со Слуцким уговорить Коржавина не эмигрировать, как мы с Борисом его почти уговорили. Но на следующий день переговорила его жена. Ильин качал головой: “Ну что он там будет делать! Он же не такой...” “Не такой” – в устах генерала КГБ многое значило.

В те времена без визы Ильина (считалось, что – Правления МО) никто не мог выехать в загранкомандировку. Не мог и я после подписания “Письма 63-х”.

Ильин приглашает меня. “Правила для всех одни, – сурово говорит он, – но если вы напишете письмо о раскаянии, для меня, я положу его в сейф, и даю слово чести...” Я усердно дергаю головой, чтоб и сомнения не оставалось, что продолжать не следует, не покаюсь.

– Пойдите, – раздраженно, – неужели вы думаете, что я прошу от вас отречения? Хотите работать, хотите ездить – надо соблюдать правила. А правило простое. Вы сожалеете, ведь правда – ничего изменить вы и товарищи ваши не смогли?

Это подсказка? Я беру листок бумаги и пишу: “Теперь я сожалею, что подписал письмо 63-х. Оно ничего не изменило – ни в судьбе Синявского и Даниэля, ни в положении в литературе”. Подпись.

Ильин читает бумагу и... хохочет! Хохочет! Потом рвет бумагу на мелкие кусочки и, продолжая уже хихикать фальцетом, дает отмашку: “Идите, Огнев”.

Я звоню Слуцкому. Борис серьезно, после паузы, роняет сухо: “Иллюзий не питайте. Но В.Н. хорош. По-своему хорош”, – на всякий случай добавляет Борис. Я соглашаюсь.

За границу меня, конечно, не пустили, но то, что Ильин не так уж скрупулезно служил “правилам”, – для меня вне сомнений.

Он многое знал и по одну и по другую сторону баррикад”.

В 1949 году в камеру, где сидел Виктор Николаевич, конвоир привел нового заключенного. Им оказался писатель Абрам Гонтарь. Они познакомились. Спустя годы А. Гонтарь расскажет: “Первое время, я, по правде говоря, растерялся. Мне казалось, что выхода из этих стен нет... Но моим счастьем в этих невероятных условиях было то, что моим соседом по камере оказался Виктор Николаевич. Он понял мое состояние и убеждал меня: “Не оговаривай себя и не оговаривай других; правда восторжествует. Ты коммунист и не имеешь права поступать против совести. Я сам чекист и нахожусь здесь потому, что не хотел поступиться совестью...” Почти целый год я просидел с Виктором Ильиным в одной камере, и этот человек стал для

меня примером коммуниста, который ни на минуту не переставал верить в справедливость ленинской партии.

В архивах Союза писателей найдутся копии документов за подписью Ильина, в которых он ходатайствовал перед Военной коллегией Верховного Суда о моей реабилитации. Я находился еще в лагере, когда Виктор Николаевич разыскал мою семью и нашел для нее слова утешения. Мне известно, что он помог в реабилитации семьи поэта И. Фефера.

Не случайно одно из первых моих стихотворений после реабилитации было посвящено В.Н. Ильину. Оно заканчивается словами:

Меня рукопожатие спасло

В минуту одиночества большого!

Это стихотворение опубликовано в моем сборнике “Серебряные нити”.

Член КПСС с 1940 года. Член Союза писателей».

«О принципиальности нашей, – вспоминает В. Ф. Огнев. – Уже после ухода на пенсию В.Н. встретился мне как-то на улице. Звал в гости. Я мялся, мямлил, что собираюсь в отпуск. Мне было его жалко. Он все время говорил о том, что, пока работал, ему надарили столько книг, что негде держать их, а теперь “забыли”. Особенно запомнилось: “Эх, Огнев, знали бы вы, какие посвящения! Какие признания в дружбе! И кто, вы думаете?” – он горько усмехнулся и почему-то поднял худой, подагрический палец в небо...»

В 1990 году уже плохо видевший Виктор Николаевич Ильин попал под машину возле своего дома.

* * *

У него была достаточно просторная комната, вся заполненная книгами. И действительно, превеликое множество автографов на авторских экземплярах книг – непременно теплых и дружественных.

Например, от самого Федина: «Дорогой друг, Виктор Николаевич, поздравляю Вас, чуткого, талантливого организатора нашей писательской жизни. Благодарю за все хорошее. Будьте здоровы, счастливы. Ваш Федин».

Или от самого Константина Симонова: «Мне хочется сказать Вам о том глубочайшем уважении, которое я испытываю к Вам, к тому огромному труду, который Вы вложили и продолжаете вкладывать в наше нелегкое общественное и писательское дело... Вы настоящий человек, человек, отдающий себя людям... Живите подольше и подольше работайте вместе с нами – я очень этого хочу, любя Вас и любя то дело, которое Вы делаете».

Писатель Анатолий Рыбаков не в первый раз внимательно рассматривал комнату старого чекиста.

– Все уже увидел, а теперь слушай и запоминай. Тебе это очень пригодится, – сказал Ильин и загадочно улыбнулся. – Абакумов у нас в отделе появился весной 37-го простым оперуполномоченным секретно-политического отдела. До этого он просидел тем же оперуполномоченным в 3-м отделении Отдела охраны ГУЛАГа. У нас Витя Абакумов первое время подшивал бумаги. На большее не годился. Но скоро пошел в гору. Сначала его назначили помощником начальника отделения СПО, а затем и начальником отделения. Еще при Ежове поставил у себя в кабинете шкафы с конфискованными книгами, а ведь за всю жизнь, наверное, ни одной не прочитал. Темный, необразованный, матерщинник, бабник, фокстротчик, такой медведь, а почитал себя великим танцором.

Уже при Берия становится он начальником Ростовского областного управления НКВД. И это сразу же после начальника отделения! Притом, что Ростовское управление было одним из крупнейших в наркомате. Так вот, после этого появлялся он на Лубянке (а в Москву он наезжал часто) как-то шумно, как самый что ни на есть большой начальник. Тот самый, кото-

рый еще недавно допрашивал своих бывших начальников и сослуживцев по СПО. В общем, шел он шумно, не кричал, не стучал, сапогами не топал, а все равно было видно, что идет большой начальник. Никому дороги не уступает, прет как танк посередине коридора, кивает головой и знакомым и незнакомым, и часовым кивает мимоходом, а те у него пропуск даже не спрашивают, уже знают в лицо.

Анатолий Рыбаков старался все запомнить близко к тексту. Ведь никаких магнитофонов, да и на Ильина сослаться можно было только после смерти... И все же несколько встреч дали для романа много, но, увы, не все. Подводила старика память. Годы взяли свое...

* * *

В свой роман Рыбаков ввел образ чекиста под подлинной фамилией Шарок. Его неплохо знал Ильин. Но то ли Виктор Николаевич сам многое не знал, то ли не захотел говорить про него всю правду, неизвестно. Словно СИСТЕМА так и не отпустила его от себя даже перед смертью. А значит, не получилось и исповеди!

Глава 2. Чекист нового поколения

Рожденный в наводнение

Он родился 11 (24) апреля 1908 года в Москве в Хамовниках¹. К слову сказать, «хамовниками» в Московской Руси называли жителей одной из многочисленных дворцовых черных слобод, занимавшихся тканьем столового белья на дворец. Именно там, в Хамовниках, младенца четы Абакумовых нарекли именем Виктор, что означает «победитель». Именно там, в Хамовниках, его крестили в церкви Николы по месту жительства родителей, в рабочем квартале около Хамовнических казарм.

Отец Виктора, Семен Семенович Абакумов, до революции работал на Московской фармацевтической фабрике братьев Келлер простым рабочим, а мать – Ефросинья Петровна швеей по разным мастерским, и, кроме того, ей приходилось еще брать шитье на дом, чтобы подзаработать. Жили Абакумовы, как многие простые смертные на Руси, тяжело. «Заработок отец получал очень низкий, семья из 5-ти человек (брат, сестра и я) всегда находилась в нужде», – напишет спустя годы в своей автобиографии Виктор Семенович. Рождение известного в будущем чекиста по-настоящему «подпортило» лишь одно немаловажное событие – катастрофическое наводнение, ставшее одним из крупнейших в истории Москвы. Произошло оно, как сообщают летописцы, 10–14 апреля (23–27) 1908 года из-за сверхснежной затянувшейся зимы, резкого потепления и дождей. Именно по этим причинам уровень воды в Москве-реке поднялся на 8,9 метра выше постоянного летнего горизонта – она вышла из берегов, затопив низменные районы и набережные. Неглинка, Кузнецкий мост, Зарядье, «Болотный» остров, Садовники, Кадаши, Зацепа, Хамовники, Драгомилово, Лужники превратились в самую настоящую Венецию. Москва-река и Водоотводный канал слились в одно русло шириной до 1,5 километра. Стены Кремля были затоплены в среднем до 2,2 метра от уровня мостовой. Едва не погибла Третьяковская галерея, не работал трамвай, а половина Москвы осталась без света. Около 100 километров московских улиц и переулков ушли под воду. Затопленной оказалась пятая часть территории города. Кроме всего прочего, это огромное бедствие произошло накануне Светлого праздника Пасхи.

Газета «Русское Слово» в день рождения Виктора Абакумова, в частности, писала: «Два-три теплых дня кряду и несколько дождей сразу настолько дружно продвинули таяние снегов и разрыхлили лед, что быстрый и многоотводный разлив реки Москвы был уже вне сомнения. <...>

К 9 час. веч. Центр города – вся площадь между Москвой и Водоотводным каналом представляла оригинальную картину, полную удивительной красоты. Начиная от дома Протопопова, у Каменного моста уже не было возможности проехать ни на Неглинный проезд, ни вдоль кремлевской стены, ни по Московской набережной, так как все это было залито водой. Небольшой сухой оазис был лишь у въезда с Балчуга на Москворецкий мост. Далее по Москворецкой набережной можно было проехать только до Китайского проезда: вперед по направлению к Устьинскому мосту двигаться на лошадях было уже невозможно, и городские героически бросались в воду, хватая любопытствующих обывателей и заставляя их поворачивать обратно.

На Устьинский мост можно было проехать только круглым путем – через Китайский проезд, Солянку и к Устьинскому проезду. С половины последнего экипаж попал в гро-

¹ Хамовники – исторический район Москвы, располагавшийся в восточной части современного района Хамовники. Административный район Москвы, включающий в себя одноименный исторический район, а также Лужники, Девичье Поле, Плющиху, Остоженку.

мадное озеро, образовавшееся от соединения вод Москвы-реки и Яузы. При переезде через Устьинский мост жуть брала. Старый ненадежный мост дрожал от сильного напора воды. <...>

Все Садовники были в воде, “Болото” превратилось в настоящее море, Кадашевская и Болотная набережная были сплошь, со всеми улицами и переулками, выходящими на них, залиты водой. <...>

С большими трудностями, сидя уже с ногами на сиденье экипажа, можно было проехать по Раушской набережной. Здесь вода бурлила во всю. Особенно красива была картина между Москворецким и Каменными мостами. С одной стороны тонули в воде ярко освещенные электрическими фонарями обеих мостов кремлевские стены, с другой – отражались в ней красивые дома и особняки Софийской набережной. <...>

Поминутно встречались лодки с пассажирами, возвращавшимися из церквей с зажженными свечами. Совсем как на Большом канале в Венеции. Только серенад не было. <...>

Где совсем была настоящая Венеция, так это в Дорогомилове. <...> Здесь Москва-река разлилась вовсю. <...> На большой Дорогомиловской улице все помещения первых этажей были залиты водой почти на 1 ½ аршина. <...> Брянский вокзал оказался отрезанным от всего города, и проникнуть к нему можно было только на лодках или на полках ломовых. За доставку к вокзалу брали по 20 коп. с человека, сажая на полк по 15–20 человек. <...>

Все смежные переулки и улицы были сплошь залиты водой, а обыватели первых этажей и подвалов бежали, кто куда попало. <...>

Здесь во тьме раздались душу раздирающие крики: “Караул! Помогите!” Раздались свистки городских, с площади вокзала бросилась публика.

Из окон второго этажа дома Ушкова, со всех сторон окруженного водой, кричали, что обывателей этого дома грабят.

– Как грабят?

– Приехали на лодках, ломают двери и грабят затопленные квартиры.

В доме Ушкова открывались окна и люди требовали полицию, лодок, чтобы задержать грабителей. Публика потребовала от городских немедленно разыскать околоточного и достать лодки. Чем кончилась эта история, мы не знаем...»

Как сообщалось в этой же газете на следующий день, наводнение одним причинило массу горя, а другим принесло выгоду: «Никогда, кажется, за все время своего существования в Москве так хорошо не торговали лампами, керосином и свечами, как вчера. В некоторых крупных ламповых магазинах к вечеру был расхвачан почти весь “недорогой” товар. Дело в том, что с утра стала электрическая станция французского общества, дающая электрическую энергию почти всему городу, кроме городских трамваев».

Как говорится в газетах того времени, от паводка пострадали десятки тысяч человек. При этом утонуло только двое. Для оказания помощи пострадавшим был создан специальный Комитет – со всей России в «затонувшую» Первопрестольную люди присылали деньги, одежду, продукты. Например, пожертвования в пользу пострадавших от наводнения в Москве и Московской губернии принимала Московская купеческая управа. 23 апреля (6 мая) в Большом и Малом театрах состоялись благотворительные спектакли, которые прошли с аншлагом. Все билеты были проданы еще утром, и масса желающих попасть на них остались, как буквально подчеркивает «Русское Слово», «за бортом».

А через шесть дней произойдет распределение между пострадавшими от наводнения 50 000 рублей, пожертвованных самим Государем Императором. Для этого на заседании, состоявшемся под председательством помощника командующему войсками генерала Глазова, будут присутствовать градоначальник, городской голова и представители всех ведомств и учреждений. На долю пострадавших в Москве они назначат сумму в 16 000 рублей, а остальную сумму в 34 000 рублей – на Московскую губернию.

Кроме того, биржевое и купеческое общества в пользу пострадавших от наводнения собрали 65 000 рублей...

Но самым ярким событием 1908 года станет Тунгусское событие или Тунгусский метеорит – гипотетическое тело, вероятно, кометного происхождения, послужившее причиной воздушного взрыва, произошедшего в районе реки Подкаменная Тунгуска 17 (30) июня 1908 года в 7 часов 14,5 минуты по местному времени. Мощность взрыва оценивается в 10–40 мегатонн, что соответствует энергии крупной водородной бомбы.

Вот что напишет на своих страницах «Русская Газета» того времени:

«03 июля (20 июня) 1908 года КЕРЧЬ, 19, VI. Вчера и третьего дня ночью на небосклоне наблюдалось невиданное здесь необыкновенно яркое сияние, напоминающее северное сияние. Явление прекратилось только к утру.

04 июля (21 июня) 1908 года

Белые ночи

Как теперь выясняется, белые ночи наблюдались и в Москве, в ночь на среду и на вторник. Это явление обратило внимание многих и служило предметом оживленных разговоров. На северо-западе небо было ярко освещено зеленоватым светом. <...>

05 июля (22 июня) 1908 года

Провинция

Редкое атмосферическое явление

Царицын

(От нашего корреспондента).

17-го июня в Царицыне-на-Волге наблюдалось довольно редкое для умеренного пояса северное сияние. Сейчас же после заката солнца в северной части небосклона появилась сильная полоса света. Обычные вечерние сумерки казались нескончаемыми, и далеко за полночь было светло. Стояла белая петербургская ночь. Все предметы освещались каким-то зеленоватым светом, и от домов и заборов ложились тени, как при лунном освещении. Это явление продолжалось до рассвета, когда северо-восток озарился как бы ярким заревом громадного пожара.

Обыватели, заинтересованные редким атмосферическим явлением, по-своему толковали его.

– Конец света приходит.

– Пришествие антихриста! – говорили одни.

– Войны, междоусобные брани, нашествие иноплемеников, – толковали другие.

Большинство же принимало северное сияние за зарево большого пожара в каком-либо из близлежащих сел».

Кто знает, рассказывали ли своему сыну родители об этих и других катаклизмах и событиях, но в апреле 1917 г. Виктору Абакумову исполнилось девять лет, и день 18 апреля (1 мая) он должен был запомнить на всю жизнь, как и последующие за ним дни и месяцы. По свидетельству очевидца, несмотря на холодную погоду (снег, дождь, град), на улицах и площадях Москвы в те часы сошло более три четверти всего московского населения: «с 11 ч. утра до 2 ч. дня. За эти три часа мы прошли по Сретенке, Большой Лубянке, Лубянской площади, Театральной проездом, Театральной, Воскресенской и Красной площадям и затем по Тверской до Страстной площади. Везде тучи народа – демонстрирующего и созерцающего. Демонстранты с флагами-знаменами. Конечно, красного цвета, иногда с богатыми украшениями, золотыми и серебряными позументами и кистями, а также с вышивками и рисунками разных эмблем. Участвовали в демонстрации и войска со своими оркестрами, но не скажу, чтобы они радовали своим видом. Как-то шли нестройно, подчеркивающее демократично – не было строевого порядка, офицеры тушевались и, смешиваясь с солдатами, не давали нужного военного тона, одним словом, это уже было не войско, а толпа.

Впрочем, такое явление теперь уже повседневно. И мы “буржуи” уже как-то мало верим в мощь такого воинства – воинства, не по форме одетого, расстегнутого, неподтянутого, не признающего в своем укладе чинов и старших, всекурающего, бредущего гражданской косолапой походкой и готового в случае чего “дать в морду” своему начальнику, якобы раньше тоже дававшему им, солдатам. Лучше всего шли юнкера, да оно и понятно – тут полная сознательность».

Не пройдет и шести месяцев, как во второй половине дня 25 октября В. И. Ленин заявит во всеуслышание на сессии Петроградского совета: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций».

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

А тем временем в Москве, где жил Виктор Абакумов, все еще, начиная с 20 октября, ожидали «выступления» большевиков. Напуганные обыватели готовились к тому, что ночью на их квартиры произойдут вооруженные нападения. В общем, ожидалась самая настоящая «Варфоломеевская ночь».

Но в Москву революция пришла только к утру 28 октября 1917 года.

Очевидец событий записал 10 ноября в свой дневник: «Итак, большевики совершили переворот в свою пользу, но “не бескровно”, как похвастался Троцкий. В одной Москве, говорят, от 5000 до 7000 жертв, а сколько испорчено зданий, имущества и всякого добра, и не перечеть».

Уже в субботу вечером, 28 октября, послышались по Москве выстрелы из ружей, пулеметов и пушек, но где происходило, узнать было невозможно.

30-го, в понедельник, было тише, но далеко от дома выходить опасно.

На каждом шагу злые солдатские фигуры. К ним присоединились “красногвардейцы”, молодые, плохо одетые люди из тех, которые вечно ищут мест и которые в былые годы жались к Хитрову рынку и составляли собой так называемую “золотую роту”.

31-го, во вторник днем, стрельба была страшная. Об выходе из дома думать нечего.

1-го ноября, в среду, попытался пробраться в контору, где на моей ответственности большие деньги и документы, но дошел закоулками и переулками лишь до Лубянского проезда, дальше идти было невозможно: по Лубянской площади летели снаряды, шрапнель и пули. Говорят, юнкера отчаянно защищают здание телефона и Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Возвращался домой под музыку выстрелов. Над головой и где-то близко, незримо, свистели пули, ударяясь в стены домов, разбивали стекла, грохотали по крышам, ранили, убивали и пугали мирных обывателей, а также – ворон и голубей.

Встречались безумно мчавшиеся автомобили с безумными людьми, злобно поглядывавшими на каждого проходящего и готовыми беспрестанно стрелять в непонравившиеся им морды.

В пятницу 3-го ноября Военно-революционный комитет издал “манифест”, в котором торжественно объявляет, что после пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов – солдат и рабочих – была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть – власть Советов р. и с.д.

8-го ноября в среду, наконец, вышли настоящие газеты, то есть – «Русск. Слово», «Русск. вед.», «Утро России» и др. На первых страницах – траурное объявление о кончине многих московских обывателей, случайно погибших за эти дни или павших идейно.

В министерстве никто не работает. Чиновники не признают новой власти.

Все отбирается от них насилием. Все спуталось. Все пошло в окончательной разрухе ужасающими скачками».

Сразу после революции родители Абакумова потеряли работу на предприятиях. Отец устроился уборщиком-истопником в одной из больниц столицы, а мать в этой же больнице уборщицей. Сам он до 1921 г. учился в городском училище. В России эти училища существовали с весны 1872 г. специально «для городского населения, и преимущественно для бедной части его». С целью «доставить законченное общее элементарное образование и дать те сведения, которые могут быть наиболее полезны в практической жизни».

Городские училища подразделялись на одно-, двух-, трех- и четырехклассные. Во всех училищах курс учения продолжался шесть лет. Такое разделение основывалось на количестве учителей и денежных средств, отпускаемых на содержание училищ. В учебном курсе таких училищ, как правило, обязательными были следующие предметы: чтение и письмо, русский язык, арифметика, практическая геометрия, география и история, сведения из естественной истории и физики, черчение и рисование, пение, гимнастика.

В 1921 году Виктор Абакумов окончил четыре класса городского училища, а в конце года, как сам написал в автобиографии, еще мальчишкой, ушел добровольцем в РККА, где служил во 2-й особого назначения Московской бригаде ЧОН². Зачислили юного москвича санитаром.

В 1922 году у Абакумова умирает отец, а в конце следующего года его демобилизуют из армии, так как части ЧОН начали постепенно расформировываться за ненадобностью. В автобиографии в 1939 г. Виктор Семенович напишет: «В конце 1923 г. демобилизовался из армии. В связи с безработицей я весь 1924 г. работал рабочим на разных временных работах».

В 1925 г. Виктор Абакумов поступил упаковщиком в Московский союз промысловой кооперации, где он проработал до конца 1926 г. В 1927 г. он получает должность стрелка первого отряда военно-промышленной охраны в ВСНХ СССР. Там же в 1927 г. вступает в комсомол.

Уже в конце 1928 г. Абакумов вновь устраивается упаковщиком, но только на складах Центросоюза, где в 1930-м вступает в ВКП(б).

Позднее в автобиографии Виктор Семенович напишет: «В этом же году, когда проходило выдвижение рабочих в Советский аппарат, меня через профсоюзы выдвинули в систему Наркомторга РСФСР, где я работал зам. начальника административного отдела торгово-посыльной конторы и одновременно был секретарем комсомольской организации.

Проработав всего лишь 8 месяцев, в сентябре 1930 г. решением Замоскворецкого райкома ВЛКСМ я был послан на руководящую комсомольскую работу на штамповочный завод «Пресс». На этом заводе меня избрали секретарем комсомольской организации. В последующем на заводе «Пресс» меня избрали делегатом замоскворецкой конференции, а на конферен-

² ЧОН – Части Особого Назначения ВЧК СССР (1919–1925) – военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партийных комитетах, райкомах, горкомах, укомах и губкомах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и т. п. Для общего руководства выделялись ответственный организатор при ЦК РКП(б) и организаторы при губкомах, укомах и т. д. Вначале ЧОН формировались из членов и кандидатов партии, а после и из лучших комсомольцев. Первые ЧОН возникли в Петрограде и Москве, кроме того в центральных губерниях РСФСР (к сентябрю 1919 г. созданы в 33 губерниях). ЧОН прифронтовой полосы Южного, Западного и Юго-Западного фронтов принимали участие во фронтовых операциях. В ноябре 1919 ЦК РКП(б) принял постановление о введении ЧОН в систему Всеобуча, только с сохранением самостоятельности их формирования и готовности к использованию по распоряжению местной парторганизации. 24 марта 1921 г. ЦК партии принял постановление на основании решения X съезда РКП(б) о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной Армии. Личный состав ЧОН разделялся на кадровый и милиционный (переменный). В сентябре 1921 г. были учреждены командование и штаб ЧОН страны, в губерниях и уездах – командование и штабы ЧОН, Советы ЧОН при губкомах и укомах партии. В декабре 1921 г. в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 чел. и переменного – 323 372 человека. В составе ЧОН были пехотные, кавалерийские, артиллерийские и бронечасты. В связи с улучшением внутреннего и международного положения СССР и укреплением Красной Армии в 1924–1925 гг. по решению ЦК РКП(б) ЧОН были расформированы.

ции я был избран членом пленума и бюро Замоскворецкого райкома ВЛКСМ. В связи с этим меня тогда же перевели на работу в райком ВЛКСМ зав. Военным отделом».

К слову, мать Виктора, работая уборщицей в больнице, зарабатывала мало, а, проработав после революции тринадцать лет, заболела и вышла на пенсию. Из самых близких у будущего чекиста оставались сестра и брат. Однако жизнь постепенно налаживалась. Комсомольская карьера предвещала Абакумову реальное «светлое» будущее, гораздо большее, нежели бы он числился в обычных пролетариях. Теперь ему было позволительно козырять своим пролетарским происхождением, выдвинувшим его из самых низов благодаря октябрьской революции.

Восхождение от практиканта

В январе 1932 г. по партийной путевке Виктора Абакумова определили на более чем скромную должность штатного практиканта экономического отдела полномочного представителя ОГПУ по Московской области. Как раз в этом году ЦК ВКП(б) объявил очередной партийный набор «лучших и наиболее проверенных коммунистов» в органы госбезопасности. После соответствующей практики бывшего молодого комсомольского работника назначают уполномоченным экономического отдела полномочного представителя ОГПУ по Московской области.

Все в том же 1932 году штатного практиканта 5-го отделения ЭКО ПП ОГПУ МО Виктора Семеновича Абакумова аттестовали следующим образом: «Активный и исполнительный, работает интенсивно. Ориентируется быстро. Кругозор развит, но требуется дальнейшая работа по расширению общественных знаний».

С 1933 года он уже уполномоченный экономического управления ОГПУ, затем экономического отдела ГУГБ НКВД.

Из аттестации уполномоченного 1-го отдела Экономического Управления ОГПУ Абакумова Виктора Семеновича за 1933 год: «К оперативной работе имеет большое влечение. Порывист. Иногда мало обдумывает последствия агентурного хода работы. В следственных делах участия не принимал. Дисциплинирован».

Из аттестации уполномоченного 1-го отдела Экономического Управления ОГПУ Абакумова Виктора Семеновича за 1934 год: «К оперативной работе влечение имеет. Порывист. Быстро делает выводы, подчас необоснованные. Иногда мало обдумывает последствия. В следственных делах не участвовал. Дисциплинирован. Требуется руководство воспитательного характера».

Автор мемуаров «НКВД изнутри: Записки чекиста» М. П. Шрейдер называет молодого чекиста Абакумова бесталанным оперативником, фокстротчиком и беспринципным человеком. Как свидетель начального выдвижения Виктора Семеновича, он, в частности, пишет: «В 1933 году, когда я работал начальником 6-го отделения ЭКУ Московской области, мне позвонил первый заместитель полпреда ОГПУ Московской области Дейч³ и порекомендовал мне “хорошего парня”, который не сработался с начальником 5-го отделения, и хотя он “звезд с неба не хватает”, но за него “очень-очень просят”. Кто именно просит, Дейч не сказал, но, судя по тону, это были очень высокопоставленные лица, а скорее всего, их жены.

“Возьмите его к себе и сделайте из него человека... А если не получится, выгоните к чертовой матери”. Затем Дейч добавил, что Абакумов чуть ли не приемный сын одного из руководителей Октябрьского восстания – Подвойского.

Поскольку мне как раз нужны были работники, я принял Абакумова, поручив ему керамическую и силикатную промышленность, и предупредил, что буду требовать полноценную работу и никаких амурных и фокстротных дел у себя в отделении не потерплю. (О слабости к этим делам Абакумова я предварительно навел справки у начальника 5-го отделения.)

В течение первых двух месяцев Абакумов несколько раз докладывал мне о якобы развиваемой им огромной деятельности.

Воспользовавшись тем, что близкая подруга моей жены принимала его ухаживания, Абакумов несколько раз заходил с нею ко мне в гостиницу “Селект”, где я сначала жил, а затем и

³ Дейч Яков Абрамович (1898–1938) – комиссар ГБ 3 ранга (29.11.35), 2-й зам. полпреда ОГПУ по Московской области (1932–1933), 1-й зам. полпреда ОГПУ по Московской области (1933–1934), 1-й зам. нач. УНКВД Московской области (1934–1935), нач. УНКВД Калининской области (1935–1936), опер. секретарь наркома внутр. дел СССР (1936), нач. секретариата НКВД СССР (1936–1937), нач. УНКВД Азово-Черноморского края (1937), нач. УНКВД Ростовской обл. (1937–1938). Арестован 29 марта 1938 года. Умер во время следствия.

на квартиру, которую как раз в этот период я получил в Большом Кисельном переулке. Причем дважды – один раз в гостинице, а второй – на квартире – в тот момент, когда Абакумов был у меня, неожиданно заходил Островский⁴, который немедленно его выгонял, процедив сквозь зубы вполголоса: “А что делает здесь этот фокстротчик? Вон отсюда!” – и Абакумов мгновенно ретировался.

Через два месяца я решил проверить работу Абакумова. В день, когда он должен был принимать своих агентов, я без предупреждения приехал на конспиративную квартиру, немало смутив Абакумова, поскольку застал его там с какой-то смазливой девицей. Предложив Абакумову посидеть в первой комнате, я, оставшись наедине с этой девицей, стал расспрашивать ее о том, откуда она знает, что такой-то инженер (фамилия которого фигурировала в подписанном ею рапорте) является вредителем. А также, что она понимает в технологии производства, являясь канцелярским работником? Она ответила, что ничего не знает, а рапорт составлял Виктор Семенович и просил ее подписать. Далее мне без особого труда удалось установить, что у нее с Абакумовым сложились интимные отношения с самого начала “работы”.

При проверке двух других “завербованных” Абакумовым девиц картина оказалась такой же.

На следующий день я написал руководству ЭКУ рапорт о необходимости немедленного увольнения Виктора Абакумова как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах. По моему рапорту Абакумов был из ЭКУ уволен. Но какая-то “сильная рука” снова поддержала его, и он был назначен инспектором в Главное управление лагерями.

Не знаю уж, когда именно его перевели из ГУЛАГа обратно в НКВД, но, видимо, он оказался способным и растущим фальсификатором и палачом и поэтому после прихода в органы Ежова был назначен начальником УНКВД в Ростовскую область.

Надо полагать, что Абакумов, как и многие другие подлецы, взлетевшие в 1937–1938 годы с головокружительной быстротой вверх по служебной лестнице, сделал свою карьеру с помощью здоровых кулаков и садистских наклонностей, которые по указанию Ежова, а затем Берии с успехом применял против ни в чем не повинных людей.

Я не знал основных этапов головокружительной карьеры Абакумов, но от кого-то из товарищей слышал, что он приложил руку к провокационному делу группы военачальников во главе с Тухачевским. Во всяком случае, я был ошеломлен, когда узнал, что начальник Ростовского областного управления НКВД Абакумов после кровавого разгрома партийных и руководящих кадров Ростовской области стал начальником особого отдела Центра. А затем в числе немногих, начавших свою карьеру при Ежове, с еще большим успехом продолжал ее при Берии. Во время Отечественной войны был начальником СМЕРШ – “Смерть шпионам”, переименованного особого отдела, потом заместителем министра госбезопасности – Берии, заместителем министра обороны и, наконец, министром госбезопасности.

Люди подобного типа выдвигались как особо доверенные на руководящую работу в органах, причем им представлялись особые и, по существу, ничем не ограниченные полномочия».

В 30-е годы, когда Виктор Абакумов пришел на работу в Экономическое управление ОГПУ, количественный состав органов вырос, но качественный подбор сотрудников оставлял желать лучшего. Дело в том, что в результате партийных мобилизаций сотрудники ОГПУ были направлены на хозяйственную работу, ослабив тем самым аппарат карательных органов.

Как утверждает О. Мазохин, автор книги «ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата», «в это время было проведено изучение материалов Центральной аттестационной комиссии, качественно характеризующих состав центрального аппарата в части его основных

⁴ Островский Иосиф Маркович (1885–1937) – старший майор ГБ (29.11.35), управляющий делами ОГПУ СССР (1931–1933), начальник АХУ НКВД СССР (1934–1936), арестован 29 марта 1937 года, 20 июня 1937 года приговорен к расстрелу.

отделов... Начальником отдела кадров Булатовым был сделан вывод о необходимости освежения состава сотрудников ОГПУ в целях постепенного «орабочивания» его в большей степени, чем это имело место».

Именно в тридцатые годы, по мнению автора, «создается и постоянно укрепляется Экономическое управление ОГПУ в Центре и его подразделения на местах, которые выполняли главную роль в обеспечении экономической безопасности молодого Советского государства».

Экономическое управление являлось органом, руководящим борьбой с преступлениями, направленными на подрыв хозяйственной жизни СССР.

В том же 1932 году очередной приказ ОГПУ (№ 963/с от 11 октября) объявил перераспределение функций отделения ЭКУ ОГПУ:

- 1-е отделение – машиностроительная промышленность, топливо, энергетика;
- 2-е отделение – черная и цветная металлургия;
- 3-е отделение – резиновая, химическая, строительная промышленность и Госплан;
- 4-е отделение – военная промышленность;
- 5-е отделение – легкая промышленность;
- 6-е отделение – снабжение и кооперация;
- 7-е отделение – внешняя торговля;
- 8-е отделение – сельское хозяйство;
- 9-е отделение – финансы – кредит;
- 10-е отделение – техническая разведка;
- 11-е отделение – техническое.

Например, одним из наиболее важных направлений деятельности экономических подразделений ОГПУ был сбор и анализ информации по экономическим вопросам. В обязанности ЭКУ входило предоставление сведений руководству государства о состоянии экономической жизни страны. Также большое внимание в ЭКУ уделялось созданию сети осведомителей на предприятиях, учреждениях и в организациях.

Служба Виктора Семеновича в ЭКУ ОГПУ действительно не сложилась и его перевели на должность сначала просто уполномоченного 3-го отделения Оперативного отдела охраны ГУЛАГа, а потом на должность оперативного уполномоченного. В ГУЛАГе он прослужил с 1 августа 1934 года по 15 апреля 1937 года. Уполномоченным ровно один год (по 16.08.35 г.). Все остальное время оперативным уполномоченным – один год и восемь месяцев. И все-таки почему?

Воспоминания старого чекиста Шрейдера игнорировать полностью нельзя, хотя, безусловно, в них много неточностей. Однако все, что говорится о слабостях молодого чекиста, соответствует действительности. Так оно и было. Да и было много еще чего...

Правда, на этот счет есть и другие мнения. Автор статьи про Абакумова «На доклады в Кремль он ездил в машине Гиммлера» Е. Жирнов пишет: «Считается, что Абакумову повредила его неумеренная страсть к танцам и женщинам. Коллеги называли его фокстротчиком из-за любви к этому танцу. А в ГУЛАГ его якобы перевели потому, что Абакумов вербовал женщин исключительно в сексуальных целях, а конспиративные квартиры использовал для интимных встреч.

Вряд ли это соответствовало действительности. Большинство оперативников всегда рассматривали женщин-агентов как свое-образную надбавку к жалованью, полагающуюся им из-за вредных условий работы, и за это никого никогда не наказывали. Как рассказывал мне один отставной генерал, в госбезопасности нередко вербовали красивых, но бесполезных в оперативном плане дам, чтобы при случае было чем «угостить» начальство. «Она ж под подпиской! – ухмыляясь, вспоминал старик. – Ни мужу, ни родным ни гугу, полная конспирация».

На самом деле Абакумова подвели вовсе не дамы. Как рассказывал мне знавший его с 1937 года полковник Сергей Федосеев, у Абакумова, как и у многих других людей, не полу-

чивших систематического образования, отсутствовали аналитические способности и прихрамывала память. Собираясь на доклад к начальству, он судорожно, шевеля губами, зазубривал относящиеся к делу цифры, даты и факты и все равно не раз попадал впросак. Зато крепкое телосложение делало его незаменимым при обысках и задержаниях. ГУЛАГу человек с такими способностями очень подходил».

Другой автор, А. Тепляков, в книге «Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг», опираясь на подлинные свидетельства и документы подчеркивает: «Важно отметить, что самостоятельно уйти с чекистской службы было очень непросто. Считалось, что быстрое увольнение неподходящего сотрудника компрометирует принявших его руководителей, поскольку систему покидал человек, уже осведомленный о секретных методах работы. Понимание того, что чекистская работа заключается в вербовках, проведении провокационных “оперативных игр”, беспощадном следствии и расстрелах вызывали у начинающих работников психологический перелом. Большая часть соглашалась с предложенной судьбой, остальные пытались сопротивляться. В 30-х годах добровольное оставление “органов” часто стоило партбилета. Так, в 1934 г. практикант Особого отдела ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области Я.П. Азаренко несколько недель спустя после зачисления на службу был исключен из партии за подачу заявления об увольнении и “дезорганизационную работу среди молодых сотрудников ОГПУ”. Когда курсанты основанной в 1935 г. новосибирской школы НКВД подавали рапорты об отчислении, эти попытки расценивались как “дезертирство с боевого участка классовой борьбы” и решительно пресекались. После соответствующих внушений курсанты забирали заявления и публично каялись на комсомольском собрании в своем “антипартийном и трусливом поступке”. Даже болезненное состояние не гарантировало от обвинений в дезертирстве...»

По мнению Вадима Кожина, «сами деятели НКВД, подвергшиеся репрессиям, но все же уцелевшие в разгуле террора, обычно рассказывают о себе именно и только как о жертвах». Это он про М.П. Шрейдера, автора «НКВД изнутри. Записки чекиста». Читаем дальше: «В 1937 году Шрейдер был заместителем начальника управления НКВД Ивановской области (начальником являлся прославленный чекист В.А. Стырне), а в феврале 1938 года по личному указанию Н.И. Ежова (о чем он сам сообщает в «Записках») получил немалое повышение: стал заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР (наркомом был в то время свояк Сталина, комиссар Госбезопасности 1-го ранга С.Ф. Реденс. Между тем, если верить Шрейдеру, в Ивановской области (то есть перед его повышением в должности) он, мол, всячески стремился противостоять “ежовскому” террору.

Но одновременно с книгой Шрейдера – хотя и совершенно независимо от нее, – в том же 1995 году, было опубликовано изложение сохранившейся в архиве г. Иваново стенограммы пленума тамошнего обкома партии, состоявшегося в августе 1937 года, – своего рода чрезвычайного пленума, которым командовали прибывшие из Москвы секретарь ЦК Л. М. Каганович и секретарь партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК М. Ф. Шкирятов. И уже пожелтевшая стенограмма показала, что (цитирую) “Шрейдер обрушился на секретаря горкома (Ивановского. – В.К.) партии Васильева. Он выразил возмущение по поводу того, что Васильев, имевший связь с врагом народа, занимает место в президиуме...»

– У меня нет никаких (! – В.К.) данных о том, что Васильев враг, – сказал он (Шрейдер. – В.К.), – но я позволю себе выразить ему недоверие.

Затем Шрейдер обвинил начальника управления НКВД Стырне в том, что тот противодействовал репрессиям и якобы имел связь с бывшим сотрудником НКВД Корниловым, который в 1936 году обвинялся в сотрудничестве с троцкистами. Стырне, старый чекист, активный участник гражданской войны, тут же был снят с работы, а впоследствии арестован и расстрелян... Шрейдер выразил недоверие еще нескольким ответственным работникам, ничем это не мотивируя”.

Между тем в мемуарах Шрейдер не только преподносит свои отношения со Стырне как истинно товарищеские, но и уверяет, что он не раз предостерегал этого знаменитого чекиста, раскрывал ему глаза на “ежовщину”!

Увы, подобного рода “забывчивость” типична для авторов изданных в последнее время мемуаров...»

Что же касается Иосифа Островского, то сам он не мог бы претендовать на роль чистенького чекиста и человека. Например, в апреле 1933 года Рудзутак получает письмо от работника типографии ОГПУ, в котором читает о «безобразиях», происходящих в этой секретной организации: «В письме сообщается, что Островский – Иосиф – помощник Управделами ОГПУ – является авантюристом, обставил квартиру мебелью из имения Юсупова и т. д. Ранее, живя в Киеве, занимался контрабандой, проходил по делу Панкратова, который был расстрелян.

Яфедов Федор – друг Островского, не раз судимый. Известный кутила, снабжает проститутками ответственных работников ОГПУ (Кацнельсона и др.).

Ваншрейн Яков работает в Экономическом управлении ОГПУ, бывший контрабандист, известный по Киеву, не раз судился. Скупает золото. Был известен под кличкой Яшка, проходил по делу контрабандистов». Как утверждает О. Мозохин, это письмо Рудзутак переправил Сталину с просьбой дать поручение Ягоде тщательно проверить изложенные факты.

И, наконец, про фокстрот. Наркома Луначарского, тонкого партийного ценителя прекрасного, говорят, весьма раздражали вошедшие в моду в период НЭПа танго и фокстроты. Почему? «Эти ритмы не человечны, они рубят вашу волю в котлету... По фокстротной линии буржуазия идет к такой неразберихе, дадаистской изобретательности и нелепым, неприятным звукам, что все это, несомненно, приведет к прямой противоположности музыки – античеловеческому шуму, и на этом она кончится. Но не кончится музыка: к этому времени мы свернем буржуазии голову и начнем свое творчество.

У нас имеется оппортунистическое направление, которое говорит, что напрасно делается попытка искоренения фокстрота в клубах. Мы-де стоим за радость, у нас есть причины радоваться и танцевать. У нас есть молодые силы, которые одержали уже гигантские победы и которым предстоит еще одержать много побед. Почему же им не танцевать? Но вот вопрос – что им танцевать? Почему непременно, если танцевать, то только фокстрот? Я не вижу никаких данных для этого, и я приветствую попытку к созданию собственного пролетарского танца. В фокстроте основное от механизации, от притупленной эротике, от желания притупить чувство наркотизмом. Нам это не нужно, такая музыка нам не нужна».

Что ж, это было мнение новой власти. Однако ее верные слуги не всегда и не во всем с ней соглашались. Как рассказывали очевидцы, Виктор Абакумов в гости ходил только с патефоном. «Это мой портфель», – говорил он. В углублении, которое там имелось, у него постоянно лежала бутылка водки и уже нарезанная колбаса. Словом, в кругу друзей молодой чекист слыл хорошим парнем: «Женщины, конечно, от него с ума сходили – сам красивый, музыка своя, танцор отменный, да еще с выпивкой и закуской».

Но чем отличался молодой оперуполномоченный от своих коллег или начальников?

Например, чекисты-руководители, как правило, ощущали себя видными государственными деятелями. Огромная власть позволяла им чувствовать себя хозяевами жизни или людьми особого ранга. Что тут говорить, если один из наркомов НКВД выделял чванство чекистов как неприменный тип внутренний и внешний... А отсюда и хамское отношение чекистского начальства не только к подследственным, но и к своим подчиненным. Отсюда же виртуозное владение нецензурной лексикой, которую, кстати сказать, называли универсальным языком чекиста. Мат был пригоден для разговоров не только с арестованными, но и друг с другом.

Эти и другие негативные черты характера чекистов имели давние истоки. Так, видный чекист М. Берман писал: «Работа в Чека часто развращает еще не “обстрелянных” коммуни-

стов, и они, прикрываясь “охраной революции”, иногда начинают творить безобразия». Немудрено, что в период тяжелейшей экономической и продовольственной ситуации в Советской России начальники отделов и территориальных ЧК начали оставлять часть реквизированных денег и драгоценностей в своих сейфах и направлять затем на удовлетворение личных и оперативных нужд.

Сам Ф. Э. Дзержинский в 1921 году в одном из циркуляров уточнял: “Работа чекистов тяжелая, неблагодарная (в личном отношении), очень ответственная и важная в государственном, вызывающая сильное недовольство и отдельных лиц, и саботажных учреждений. Вместе с тем работа, полная искушений на всякие злоупотребления властью, на использование своего положения и одного факта службы в ЧК для личных выгод”».

Как пишет Е. Жирнов, «в годы расцвета новой экономической политики и оживления частного предпринимательства некоторое подобие приличий соблюдалось чекистами лишь в столице и крупных городах. В провинции сотрудники ОГПУ крышевали мелких торговцев и крупных нэпманов, ввиду чего имели достаточно средств для отдыха на полную катушку – пили, проводили время в игорных притонах и у проституток».

А ведь не так давно чекисты, получавшие мизерное денежное вознаграждение и такой же продовольственный паек, находились в состоянии голода. Отсюда падала дисциплина, возникало озлобление. Доходило до того, что сотрудницы ЧК были вынуждены заниматься проституцией, а сотрудники шли на банальный разбой. И все из-за голода.

Е. Жирнов пишет: «Судорожные массовые расстрелы чекистов оказались столь же неэффективными, как и всепрощенчество. Снижение числа должностных преступлений и грабежей под видом обысков началось лишь после относительной нормализации снабжения и выплаты денежного содержания».

После этого руководство начало закрывать глаза на факты самоснабжения чекистов, только если они не становились широко известными. А к стенке ставили лишь тех, чьи нарушения выглядели особенно злостными и вызывали широкий резонанс...

После смерти Дзержинского в 1926 году к власти в госбезопасности пришли его соратники и руководители среднего звена, имевшие серьезный опыт мздоимства. Так что дело обогащения с годами росло и ширилось. Однако не забывались и старые традиции».

Примечательна история «валютного соперничества» ОГПУ и Торгсина (государственной торговой конторы, занимающейся продажей товаров населению в обмен на валюту и драгоценности). «Неизвестно, кому первому в ОГПУ пришла идея использовать Торгсин для выполнения плана “добычи” валюты – скорее всего, определенного плана не было, – пишет Е.А. Осокина. – Агенты ОГПУ стали следить за покупателями в Торгсине, выявляя “держателей ценностей”, а затем привычными методами (угрозы, аресты, обыски, конфискации) заставляли их сдавать ценности государству безвозмездно. Одни чекисты соблюдали конспирацию – следили за покупателями скрытно, устанавливая его место жительства, потом приходили с обыском. Другие действовали топорно, видимо, пытаясь взять “укрывателя золота” с поличным: врываются с оружием в магазин, арестовывали людей прямо у прилавка, забирали наличную валюту, а вместе с ней и купленные товары. После таких операций ОГПУ доходы Торгсина падали, а финплан был под угрозой срыва. Со всех концов страны в правление поступали жалобы от контор Торгсина на действия местных отделений ОГПУ».

Любопытно, что руководство Наркомата торговли даже провело переговоры с Экономическим отделом ОГПУ, разъяснив свое право продажи на «эффективную» (несоветскую) валюту. Тем не менее жалобы на действия сотрудников ОГПУ – аресты покупателей в Торгсине, обыски в квартирах, конфискация валюты и товаров – продолжали поступать вплоть до самого закрытия объединения.

23 сентября 1933 г. под грифом «совершенно секретно» вышел приказ ОГПУ № 00325 «О дисциплине в органах и войсках ОГПУ», подписанный Г. Ягодой. В нем

говорилось: «Значительное количество фактов, отмеченных за последнее время, говорят о проявлениях недисциплинированности, а в некоторых случаях о полном отсутствии дисциплины в рядах чекистов. Недисциплинированность начинается с таких проявлений, как неряшливость, небрежное ношение формы, пьянство и распушенность, что неизбежно приводит не только к ухудшению качества работы каждого отдельного чекиста, но и к притуплению энергии и бдительности в борьбе с к.-р.». И вот еще: «Грязный, неряшливый, распушенный, пьянствующий чекист – позорит наши ряды и должен быть немедленно изгнан из них. Эти же чекисты, в результате болтовни и сплетни, зачастую разглашают секреты нашей работы, этим самым играя на руку врагам. Таким чекистам также не должно быть места в наших рядах. Внешняя недисциплинированность, вялость, личная дезорганизованность приводит к несвоевременному, а иногда и полному невыполнению оперативных указаний и приказов.

Такой чекист начинает откладывать на завтра то, что он может и должен сделать сегодня, немедленно, – для того чтобы своевременно выявить и ударить по врагу.

За последнее время отмечены серьезные случаи нарушения дисциплины, выражающиеся в недопустимой медлительности, а иногда и прямо невыполнении приказов ОГПУ и Полномочных представительств нижестоящими органами».

По всей видимости, именно этот приказ вполне мог сыграть свою роль в переводе Виктора Абакумова в Центральный аппарат ГУЛАГа. Отметим лишь, что его, таким образом, лишь «пожурили», не отправив на периферию, то бишь, в самое отдаленное подразделение все того же ГУЛАГа. Безусловно, сыграли свою роль и связи.

Маховик репрессий и маховик карьеры

Та работа, которой занимался в ГУЛАГе Виктор Абакумов, не зря называлась оперативной. Секретно-оперативное отделение, а раньше третье информационно-следственное отделение обеспечивало руководство и проведение оперативно-чекистского обслуживания заключенных, спецконтингента и вольнонаемных работников исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД.

В его задачи входило:

– обеспечение своевременного выявления вражеской деятельности среди заключенных и других лагерных контингентов, свое-временное предотвращение организационных контрреволюционных выступлений среди них;

– обеспечение своевременного выявления и предотвращения готовящихся групповых вооруженных и индивидуальных побегов, а также хищений и разворовывания лагерного имущества. И кроме того, организация работы по выявлению и агентурной разработке оставшихся на воле не разоблаченных преступных связей заключенных, а также руководство следственной работой по делам, вскрытым в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. По своей сути это не иначе как обеспечение государственной безопасности в исправительно-трудовых лагерях, проводимое за счет комплекса оперативно-чекистских мероприятий.

Судя по тем задачам, которые приходилось решать В.С. Абакумову в ГУЛАГе, будучи оперуполномоченным, и судя по его влечению к оперативной работе, можно с уверенностью сказать, что те несколько лет, которые он провел там, не прошли даром. В любом случае он получил знания, умения и навыки в контрразведывательной практике по агентурной проработке заключенных с целью выявления не вскрытых в процессе следствия их прежней преступной деятельности и связей, а также по агентурной разработке лиц из вольнонаемного состава, подозрительных по шпионажу. Приходилось ему заниматься выявлением и предотвращением вредительства.

Более того, пять лет службы в ОГПУ-НКВД, после двух лет руководящей комсомольской работы, не могли пройти для Виктора Абакумова даром. И это при том, что он был еще достаточно молод. В 1937 году, когда он пришел в 4-й Секретно-политический отдел, ему было двадцать девять лет. Правда, молодость Абакумова не совсем уже подходила для карьеры в органах НКВД. Приходили люди гораздо моложе. Но именно такие на Руси долго запрягают... Для каждой судьбы свое время!

Действительно, младший лейтенант ГБ (20.12.1936) Виктор Семенович до сих пор ничем не отличился, никак не выдвинулся, а потому прибыл к новому месту службы в 1-е отделение 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР снова на рядовую должность оперуполномоченного. Знал ли он сам, что будет дальше? Вряд ли.

А попал он в Секретно-политический отдел в самое историческое время, перед июньским 1937 года пленумом ЦК ВКП(б) (23–29 июня). Этот пленум историки называют не иначе как «значимой точкой отсчета начала разгрома партийно-советской номенклатуры», когда за несколько предшествующих его началу недель и в ходе работы самого пленума были арестованы руководящие работники ЦК ВКП(б), первые секретари обкомов и крайкомов, наркомы.

Заместителем начальника 1-го отделения 8 мая 1937 года был назначен лейтенант ГБ Лев Емельянович Влодзимирский. В задачи этого отделения входила борьба с бывшими оппозиционерами, которых теперь именовали не иначе, как «троцкистско-бухаринской бандой шпионов и диверсантов». Как утверждает Н. Петров, «В Москве Влодзимирский специализировался на ведении следствия. Ему сразу же поручили дела важнейших арестованных. В конце 1937-го вместе с будущим министром госбезопасности Абакумовым он вел допросы секретаря Дне-

пропетровского обкома Н.В. Марголина. Оба столь усердствовали в избиениях и пытках Марголина, что тот в отчаянии пытался повеситься в камере на изготовленной из платков веревке».

Кстати сказать, незадолго до этого «дела» Виктору Семеновичу присвоили очередное звание «лейтенант ГБ» (05.11.37).

Летом 1938 г. был арестован один из организаторов советской внешней разведки старший майор ГБ Яков Исаакович Серебрянский. До 13 февраля 1939 г. он содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке без санкции прокурора. Только 21 февраля его уволили из НКВД в связи с арестом. В ходе следствия, которое вел В.С. Абакумов, а после него заместитель начальника следственной части НКВД Соломон Мильштейн, Серебрянского подвергли «интенсивным методам допроса». Известно, что первый его допрос состоялся 13 ноября 1938 года. А 12 ноября сам Л.П. Берия написал на документе следующую резолюцию: «Тов. Абакумову! Хорошенько допросить!» Спустя четыре дня в допросе Серебрянского приняли участие сам Берия, его заместитель Кобулов и Абакумов. Талантливый разведчик был жестоко избит и вынужден оговорить себя. Допросы, сопровождающиеся пытками и истязаниями, продолжались.

Неизвестно почему, но старый чекист Ведерников однажды засвидетельствовал вопреки фактам, что Абакумов даже пальцем подследственных не трогал: «Бывало, допрашиваешь какого-нибудь вредителя, а он врет, изворачивается, сочиняет всякие небылицы. Вот слушаешь, потом не вытерпишь и закатаешь ему оплеуху, чтобы сказки не рассказывал. Бывало в моей практике и такое, чего греха таить, бывало. Молодой был, горячий. А вот Абакумов, тот нет, пальцем подследственного не тронет, даже голоса на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил. Он на нас глянул так, словно на врагов народа».

Учитывая противоречивость свидетельств, весьма любопытно остановиться на исследовании А. Теплякова «Машина террора», где он приводит неопровержимые факты «игры по правилам»: «Парадоксально, но в прославившийся своей жестокостью чекистский мирок, в отличие от начала 20-х годов, когда его наполняли привыкшие к убийствам партизаны и демобилизованные военнотруженики, в 30—40-е годы действительно старались отбирать лучших. По партийно-комсомольским мобилизациям в органы ОГПУ-НКВД принимали активных молодых людей проверенных с морально-политической точки зрения, нередко с выраженной тягой к знаниям. Но ни передовики-рабочие, ни даже студенты техникумов и вузов не могли привнести в «органы» свою индивидуальность. Чекистский коллектив, подобно сильнейшей кислоте, стремительно разрушал личность, оставляя рабское послушание и уверенность в том, что начальству виднее. Чекистская машина превращала людей в винтики и шестеренки. Личность каждого Начальника регионального управления накладывала очень сильный отпечаток на его подчиненных. Э.Г. Герштейн справедливо отметила: «Конечно, на эту работу шли люди, имевшие склонность к садизму, но были и такие, которые были доведены до звериной жестокости всей системой и круговой порукой всех сотрудников». Необходимо учитывать, что советская молодежь изначально воспитывалась в духе слепой преданности к коммунистической идее и вождям, ненависти к врагам и инакомыслящим, презрению к жалости и милосердию. Однако в ОГПУ-НКВД неопиты сразу наблюдали сочетание беспощадной власти «органов» над всеми остальными гражданами с не менее жестким подавлением личности самих чекистов, которые попадали в атмосферу тотальной слежки, начальственного самодурства, издевательств над арестованными и особой жестокости к репрессированным из «своих». Чекистов сразу обучали ломать людей при вербовках и на допросах, избивать и расстреливать, а потом забываться в алкогольном дурмане. Понимание, что всякий, мобилизованный в «органы», оказывается в системе, которую невозможно покинуть добровольно, диктовало приспособление к чекистскому образу жизни и, как правило, принятие его.

Поскольку работа в «органах» неизбежно разрушала личность, в чекистской среде концентрировались все возможные человеческие пороки: жестокость, нередко доходившая до садизма, высокомерие, хамство, обман, клевета, подхалимство, равнодушие, бюрократизм, доносительство, подсиживание, пьянство, наркомания, развращенность, воровство и мародерство. Начальство с этим мирилось, в т. ч. потому что, как правило, само обладало данными качествами в превосходной степени».

А как же иначе, разве Виктор Абакумов мог играть не по правилам?

Уже в марте 1938 года его назначают на должность помощника начальника отделения 4-го отдела 1-го управления ГУГБ НКВД СССР. И это было первое в его жизни повышение со дня службы в органах. За шесть-то лет!

А 9 мая этого же года Виктора Семеновича удостоит высокой награды – наградят знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)». К слову сказать, этот знак был учрежден Приказом ОГПУ № 1087 от 23 ноября 1932 года. Как и предыдущий знак (V годовщины), он присваивался за «выдающиеся заслуги», но при этом оговаривался стаж службы претендента в органах или войсках ОГПУ – не менее 10 лет. Однако этот критерий строго не соблюдался, и в последующие годы почетный знак порой вручался и партийным выдвиженцам, недавно попавшим в «органы».

Но вот прошло лето 38-го, и 22 августа первым заместителем наркома внутренних дел СССР был утвержден Л.П. Берия. Наркомом его назначат 25 ноября, вот только о смене руководителя карательного ведомства объявят всей стране в декабре – 8-го.

Естественно, Лаврентий Павлович привел на Лубянку своих людей: и друзей и товарищей.

29 сентября 1938 года после очередного реформирования органов госбезопасности, была объявлена и новая структура, в которой 4-й Секретно-политический отдел стал 2-м (по степени важности направлений работы). Начальником этого отдела сразу же назначили Богдана Захаровича Кобулова, который уже с 15 сентября возглавлял 4-й отдел, где обратил самое пристальное внимание на лейтенанта ГБ Абакумова.

29 сентября 1938 г. Абакумова утверждают в должности помощника начальника отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, а 1 ноября назначают начальником 2-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Сам Б. Кобулов расскажет впоследствии, как осенью 1938 года на одном из торжественных собраний в клубе НКВД Абакумов поднял страшный шум – он возмущался, что портрет дорогого Лаврентия Павловича висит слишком далеко от центра сцены. Как пишет Е. Жирнов, «произошло это, как нетрудно догадаться, именно в тот момент, когда в зал входил Берия. Он заинтересовался сначала причиной переполоха, а затем и устроившим его сотрудником. Кобулов дал подчиненному лестную характеристику, и вскоре Абакумов получил новое назначение».

Начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор ГБ Б.З. Кобулов 17 декабря 1938 года станет заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР, а 22 декабря 1938 года – начальником следственной части НКВД СССР. С Берия он работал еще в ГПУ Грузии с 1925 г. и был самым близким к нему человеком. Он ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами. При этом огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене.

Бывший заведующий отделом печати НКВД Евгений Гнедин вспоминал, как его после ареста привели к Кобулову (май 1939 г.): «Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара первого ранга – крупная голова, полное лицо человека, любящего поесть и выпить, глаза навывкате, большие волосатые руки.

Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так:

– Уже сидит и пишет, да-да, пишет, а то как же!

Кобулов весело и самодовольно хохотал, речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке, дававшем показания.

Обернувшись ко мне, Кобулов придал лицу угрожающее выражение. Не отводя глаз, он стал набивать трубку табаком из высокой фирменной коробки “Принц Альберт”. Я сам курил трубку и очень ценил этот превосходный американский табак, который в Москве нельзя было достать. Грозным тоном Кобулов заявил мне, что я разоблачен и вскоре буду расстрелян. Он потребовал, чтобы я рассказал ему о моих “связях с врагами народа”».

Серго Берия в своей книге описал Богдана Захаровича так: «У него была большая голова и жирное лицо, выдававшее в нем человека, любившего хорошо поесть, глаза навывкате, большие волосатые руки и короткие кривые ноги». По мнению сына Лаврентия Павловича, Кобулов был жирным отвратительным типом, питавшим слабость к роскоши, особенно к произведениям искусства.

Один из товарищей генерала госбезопасности Е.П. Питовранова рассказывал ему характерную для того времени и тех людей историю: «Он принес на подпись Кобулову документ, направлявшийся в ЦК. Обычное – просим утвердить такого-то в должности. Подпись: “Заместитель министра внутренних дел Б. Кобулов”. Богдан посмотрел бумагу и сказал: “Не пойдет. Переделать”. Ошибок в документе не было. Ну что-то подправили, принесли снова. Та же история. Третий раз – то же. Наконец ребята догадались, что дело в подписи. Перепечатали документ в четвертый раз с подписью: “Б. Кобулов”.

– Вот теперь правильно, – сказал Богдан, – в ЦК и так знают, кто такой Кобулов».

Все в том же сентябре по предложению Берия вслед за ним на работу в Москву перешел Всеволод Николаевич Меркулов. Он выгодно отличался от всего близкого окружения Лаврентия Павловича своей образованностью и интеллектом, работая с ним с 1922 года.

17 декабря 1938-го комиссар ГБ 3-го ранга Меркулов будет назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником ГУГБ НКВД СССР.

Меркулов увлекался спортом, хорошо рисовал и даже писал пьесы. Был вежлив, разговаривал спокойно, но не был решительным и безжалостным, как его шеф. О своем назначении в Москву Всеволод Николаевич позднее напишет: «Признаюсь, мне было тогда по приезду в Москву страшно тяжело работать в НКВД СССР, чего я никак не ожидал, еду в Москву. С одной стороны, у меня не оказалось поначалу достаточных оперативных навыков... с другой стороны, новые чекистские “методы”, применявшиеся тогда и неизвестные мне до того времени (я ведь уже 7 лет был на парработе), меня крайне угнетали».

И тем не менее именно ему Берия поручал самые важные дела и расследования. Например, по его указанию Меркулов лично отвез тело на смерть забитого на допросе маршала Блюхера на кремацию. Именно на допросе у Меркулова 13 апреля 1939-го, после пяти месяцев молчания, «сознался» в участии в «ежовском заговоре» чекист Ефим Евдокимов.

Именно эти люди, благодаря тонкому чутью Кобулова, выдвинули Виктора Семеновича за весьма короткое время во власть... В начале декабря 1938 г. в областные и республиканские центры выехали группы по пять – семь офицеров госбезопасности. «Об их приезде в месте назначения предупреждался только первый секретарь обкома, – пишет Е. Жирнов. – Схема действий этих бригад была единой во всех городах. Прямо с вокзала они приезжали к первому секретарю, объявляли, что располагают неопровержимыми доказательствами того, что начальник местного УНКВД – враг народа, и предлагали немедленно пригласить его в обком. Затем они арестовывали ничего не подозревавшего коллегу и отправлялись в управление, где секретарь обкома представлял их коллективу как новых руководителей госбезопасности области. Замов начальника управления и начальников отделов арестовывали лишь после того, как они передавали дела своим преемникам. Как рассказывал мне один из ветеранов госбезопасности, начальник отдела, которого менял он, все понимал и две недели, передавая хозяйство, без-

остановочно рыдал. Некоторые из “вычищаемых” стрелялись, не дожидаясь ареста. В Москве подобные инциденты считались проколом: требовалось, чтобы смена власти в НКВД производилась без лишнего шума.

У Абакумова, осуществлявшего смену состава в Ростовском УНКВД, судя по всему, никаких эксцессов не произошло. Уже 5 декабря 1938 года его назначили исполняющим обязанности начальника УНКВД, а перед новым годом он из лейтенантов, минуя звание старшего лейтенанта, стал капитаном ГБ. Как рассказывал мне полковник Федосеев, Абакумов появился на Лубянке в новой форме с тремя прямоугольниками в петлицах и долго ходил туда-сюда по коридорам: “наверное, хотел, чтобы как можно больше товарищей увидели его триумф”».

На сегодняшний день о «Большом терроре» написано огромное количество книг. До сих пор многие историки продолжают спорить о причинах сталинских репрессий. Однако, по моему, уже не вызывает сомнения сам факт спланированной Политбюро ЦК ВКП(б) акции по ликвидации потенциальной «пятой колонны» в преддверии возможной войны, «генеральной чистки» советского общества. В это трудно поверить сегодня, но, оглядываясь в глубь нашей истории, можно заметить, что период массовых репрессий не являлся чем-то необычным на фоне предшествующего развития советского государства.

Как констатируют историки В. Хаустов и Л. Самуэльсон в своей монографии «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.», «после окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству в стране не установились отношения сотрудничества между всеми слоями населения. Определенная часть общества рассматривалась советским руководством в качестве силы, враждебной новому государству, советская пропаганда навязывала обществу представление о существовании в стране целой армии “врагов”, мешающих созидательному строительству. Наряду с перманентным использованием принудительных мер в отношении основной массы населения проводилась явно и тайно политика преследований и изоляции в отношении слоев, которые занимали определенное социальное и экономическое положение при старом царском режиме, представителей оппозиционных партий и групп, подавления инакомыслия. Идея гражданского мира не стала определяющей в мировоззрении Сталина и его ближайшего окружения.

После окончания гражданской войны Сталин продолжил преследование всех представителей оппозиционных партий и групп внутри РКП(б) – ВКП(б)...

Отсутствие публичной политики приводило к тому, что способы решения внешнеполитических вопросов и внутренних проблем определялись узкой группой членов Политбюро правящей Коммунистической партии. Все это усиливало роль личностного фактора, повышало уровень субъективности при принятии решений в условиях идеологического противостояния СССР и развитых стран Европы».

Не менее интересно и мнение генерала госбезопасности Судоплатова, который по поводу участия органов в «Большом терроре» черным по белому написал: «Сознательно или бессознательно, но мы позволили втянуть себя в работу колоссального механизма репрессий, и каждый из нас обязан покаяться за страдания невинных. Масштабы этих репрессий ужасают меня. Давая сегодня историческую оценку тому времени, времени массовых репрессий – а они затронули армию, крестьянство и служащих, – я думаю, их можно уподобить расправам, проводившимся в царствование Ивана Грозного и Петра Первого». Касается это не в последнюю очередь и Виктора Семеновича Абакумова.

Чекисты Свердлов, Шарок и Кубаткин

30 августа 1952 г. на стол секретаря И. В. Сталина А. Н. Поскребышева курьер положил спецсообщение министра государственной безопасности С. Д. Игнатьева, адресованное САМОМУ. Это было заявление А. Я. Свердлова.

«ЦК ВКП(б)

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Арестованного СВЕРДЛОВА А.Я.,

бывш. члена ВКП(б) с 1939 г., зам. нач. отдела «К» МГБ СССР

Заявление

Иосиф Виссарионович!

Очень тяжело сознавать, что ошибки и недостатки, только теперь понятые до конца, привели, вопреки всем устремлениям, к преступным действиям. До ареста я сам, большинство окружающих считали меня примером. С раннего детства, прошедшего в семье большевиков, я стремился стать активным деятелем партии, достойным отца, в этом состояла цель, самый смысл существования. Почти вся сознательная жизнь прошла в КСМ, партии, напряженной работе. Никогда не боялся трудностей, ответственности, старался во всем быть принципиальным, не использовал в личных целях имени, служебного положения. Однако, попав в детстве в привилегированные условия, сталкиваясь с грязными людьми, пробравшимися в окружение руководителей, я рано зазнался, пристрастился к политическому словоблудию, сплетням. Осенью 27-го года поддался троцкистской демагогии, выступил в школе в защиту троцкистов, не будучи никогда с ними организационно связан. Поняв после 27-го года правоту партии, вступив в КСМ, я некоторое время продолжал считать большевиками восстановленных в партии троцкистов, не сразу избавился от словоблудия, троцкистского отношения к Вам, допустил террористическое высказывание, хотя никогда не имел подобных намерений.

Попав в 1930 г. в здоровый коллектив, целиком отдаваясь большой КСМ работе, я начал выправляться, порвал с прежними приятелями из детей б. ответработников, не поддерживал связи ни с одним врагом партии, прекратил преступные сплетни, болтовню, но, преуменьшая свой троцкизм, не расценив правильно разговоров 30-го года, скрыл и в 1935 г. был арестован. Рассказав все, будучи по Вашему указанию освобожден, стремился искупить вину. Окончив учебу, пошел на ЗИС мастером, вскоре стал старшим, зам. нач. цеха. Просил НКВД проверить на деле, начал выполнять поручения, вел партработу, я в 1938 г. был вновь арестован без всякой вины, по показаниям ОСИНСКОГО, не содержащим ни слова правды, и освобожден только после Вашего вмешательства. С 1935 г., особенно теперь, считал, что всем обязан Вам, в Ваше 70-летие написал Вам, что чувствую, чем живу, прочтите это письмо!

Я решил, что с прошлым покончено, жил только работой, стремился вырасти, наряду с оперативной, партработой в 1948 г. с отличием окончил заочную Высшую партшколу ЦК, написал чекучебник, вел большую работу в спорторганизациях, Всесоюзном комитете, спал 4–5 час. в сутки, но из-за излишнего самомнения, сложной обстановки запутался вновь.

Проработав до 1940 г. под руководством МАТУСОВА, проводившего преступную практику, усвоил ряд пороков. Будучи в 1941 г. назначен зам. нач. отдела, фактически до 43 г. руководя самостоятельным подразделением, возомнил себя выдающимся чекистом, для которого не все общепринятые нормы обязательны, хранил а/с литературу, часть оружия и диверсионных устройств, полученных для спецработы, но не скрывал этого, не преследовал преступных целей. Переоценивая себя, общаясь с руководящими работниками МГБ, промышленности, культуры, превозносившими меня, я решил, что засиделся, перерос рамки зама, стремился

к большому размаху, самостоятельности, тем более что непосредственные начальники ни в чем не поправляли, работали слабо, зачастую тормозили наиболее серьезные вопросы. В то же время после смены руководства МГБ, увольнения АБАКУМОВЫМ ряда старых работников, чувствуя, в противоположность прежнему, настороженное отношение к себе, я решил, что новое руководство оценивает меня по материалам о прошлом, не будет способствовать росту, держит только в силу Ваших указаний, не дает работу в полную силу, перспектив нет. Я только свое прошлое винил в этом, думал, что жизнь сложилась неудачно, поддавался упадническим настроениям, начал бояться прошлого, запутался, допускал ошибки, преступные действия, о которых подробно рассказал следствию.

Остро переоценив ряд фактов, я понял, что, по существу, потворствовал АБАКУМОВУ, проводил националистическую практику. Мне невероятно тяжело, потому что никогда вражеских замыслов не было, свои действия, настроения считая правильными, не скрывал их, ни с кем не вел тайных разговоров, не обсуждал преступных планов, не поддерживал организационной связи. Никогда не был близок АБАКУМОВУ, его окружению, многое в нем вызывало сомнение, несколько раз начинал писать в ЦК (один черновик сохранился), но не довел до конца. Никогда национальная принадлежность не играла для меня роли, не симпатизировал евреям, как таковым, себя всегда по матери, документам (метрика) считал русским, не было евреев в семье, среди знакомых преобладали русские, были украинцы, армяне, грузины; запутавшись, решил, что в отношении евреев допускаются перегибы, разговоры о якобы притеснениях, болезненная реакция на них, но не национализм. Так поддался националистическим настроениям и проводил националистическую практику.

Я глубоко осознал свою вину, раскаиваюсь и прошу простить меня, помочь ее загладить. За это время я столько пережил, понял, что никогда не споткнусь впредь, могу несоизмеримо лучше работать, стать, наконец, настоящим человеком, но помогите встать на ноги, плодотворно прожить жизнь. Я прошу дать мне самое большое, трудное дело, чем сложнее оно будет, тем скорее смогу Вам лично, партии доказать свою искренность.

Если можно, разрешите вести прежнюю работу, чтобы в своем коллективе реабилитировать себя.

Я прошу простить и помочь не только ради себя, но близких, матери 76 лет, 50 лет в партии, она живет последние дни, с каким сознанием умрет. Дочь кончила школу. Прошу ради памяти отца – перед всеми я виноват, но должен загладить вину.

Иосиф Виссарионович! Во многом я виноват, неоднократно путался, но выродком, врагом партии, изменником не был, заверяю Вас, никогда Вам, ЦК не придется сожалеть, что помогли вернуться в строй, всю силу, способности, жизнь отдам делу, которое поручат.

СВЕРДЛОВ».

А теперь перенесемся к книге воспоминаний под названием «Незабываемое». Ее написала Анна Ларина-Бухарина – дочь Юрия Ларина, видного революционера, соратника Ленина, впоследствии ставшей женой одного из руководителей Советского государства Николая Бухарина. Почему? Вы обязательно догадаетесь...

«Одна деталь биографии Ягоды косвенным образом протянула нить к раздумьям о моем следствии и напомнила тяжелый эпизод, пережитый в недалеком прошлом. Ягода был связан родственными узами с Я. М. Свердловым – женат на его племяннице, дочери сестры. Тем не менее ему пришлось выполнить указание Сталина об аресте сына Свердлова Андрея и его ближайшего товарища, сына известного революционера-большевика В. В. Осинского, Димы. На такой шаг Ягода никогда бы самостоятельно не пошел и инициатором в этом случае быть не мог. Оба молодых человека (им было в то время года 22–23) учились тогда в одной из военных академий и были хорошо мне знакомы. Их арест меня чрезвычайно взволновал: для всех в

той среде, к которой мы принадлежали, это стало событием необъяснимым. Произошло это в 1934-м или в начале 1935 года, точно не помню.

Об аресте Димы и Андрея я рассказала Николаю Ивановичу, который был крайне удивлен и решил позвонить Сталину, чтобы выяснить причину. Со Сталиным удалось связаться сразу же. “Пусть, пусть посидят, – ответил он, – вольнодумы они” (я не ошиблась, он выразился именно так, “вольнодумы”, а не вольнодумцы). На вопрос Н.И., в чем же выразилось их вольнодумство, Сталин ничего вразумительного не ответил. “Похоже, – сказал он, – что у них троцкистские взгляды”...

Николай Иванович просил Сталина освободить юношей, не усмотрев в их “вольнодумстве” преступления, и грустно посмеивался над ответом Сталина: “вольнодумы они”. Полагая, что В. В. Осинский и сам мог говорить со Сталиным о своем сыне, Н.И., хотя и упоминал при разговоре сына Осинского, главным образом просил об освобождении Андрея Свердлова – его отец Яков Михайлович Свердлов скончался в 1919 году.

– Коба, я прошу за Якова Михайловича, в память о нем это надо сделать. Жаль мальчишек, арест их может только обозлить и загубить. Оба они способные, подающие надежды юноши.

– Я этими делами не занимаюсь, звони Ягоде, – раздраженно ответил Сталин и повесил трубку.

Звонить Ягоде Н. И. счел бессмысленным.

И. Д. Осинский и А. Свердлов вскоре были освобождены».

Но это история, как и всякая другая, имела продолжение...

«...к исходу сентября 1939 года, то есть через десять месяцев моего пребывания в московской тюрьме, меня вызвали на допрос. Опять-таки допросом, то есть объективным расследованием дела для выяснения истины, мой разговор со следователем назвать никак нельзя. Вместе с тем это не был типичный для того времени допрос с пристрастием, с применением пыток или психологического воздействия, с целью умышленно получить заведомо ложные показания. Скорее это были переправы тех же мотивов, что звучали при разговоре с Берией. Тем не менее первый вызов после длительного “покоя” точно обухом по голове ударил.

Я вошла в кабинет, где когда-то уже побывала. За письменным столом сидел все тот же Матусов – тот самый, который вместе с заместителем Ежова Фриновским (к этому времени уже арестованным, возможно, уже и расстрелянным) разговаривал со мной, убеждая в необходимости ехать в астраханскую ссылку добровольно, чтобы избежать применения насильственных мер. Этот, на вид нежный херувимчик, пережил почти всех ответственных сотрудников НКВД со времен Ежова (быть может, работал и при Ягоде) и, как я потом узнала, умер своей смертью. Не знаю, в какой должности он был, но только не рядовым следователем.

– Здравствуйте, Анна Михайловна! Рад вас видеть! – произнес Матусов непонятно восторженным тоном, будто мы были давнишними приятелями и я к нему в гости пришла.

– А я вовсе не рада видеть вас, – ответила я на его глупое приветствие. – Вы не выполнили обещаний, данных мне перед высылкой в Астрахань. Там не оказалось “ни заботы, ни работы, ни квартиры”. Кроме того, вы не выполнили главного: не дали мне свидания с Н.И. после окончания следствия. А ведь обещали для этой цели вызвать меня из Астрахани. Не дали возможности проститься с ним.

В этот момент дверь в кабинет Матусова открылась и вошел Андрей Свердлов. “С какой целью?” – мгновенно пронеслось у меня в голове. Я сразу же предположила: он арестован и вызван на очную ставку со мной. Ведь в моем “деле” в связи с информацией, поступившей из Новосибирска, Андрей Свердлов, якобы с моих слов, фигурировал как член контрреволюционной организации молодежи. И хотя я это опровергала перед Берией, опасалась, что в случае повторного ареста Андрей подтвердит существование контрреволюционной организации молодежи. Будет клеветать на самого себя и на меня. Случай для этого времени типичный.

Однако, приглядевшись к Андрею, я пришла к выводу, что он не похож на заключенного. На нем был элегантный серый костюм с хорошо отутюженными брюками, а холеное, самодовольное лицо говорило о полном благополучии. Андрей сел на стул рядом с Матусовым и внимательно, не скажу – без волнения, вглядывался в меня.

– Познакомьтесь, Анна Михайловна, это ваш следователь, – сказал Матусов.

– Как – следователь! Это же Андрей Свердлов! – в полном недоумении воскликнула я.

– Да, Андрей Яковлевич Свердлов, – подтвердил Матусов удовлетворенно. (Вот, мол, какие у нас следователи!) – Сын Якова Михайловича Свердлова. С ним и будете иметь дело.

Сообщение Матусова показалось мне ужасающим, я пришла в полное замешательство. Пожалуй, легче было бы пережить мое первоначальное предположение об очной ставке.

– Что, не нравится следователь? – спросил Матусов, заметив изумление и растерянность на моем лице.

– Я как следователя его не знаю, но знакомить меня с ним нет необходимости, мы давно знакомы.

– Разве он был вашим другом? – с любопытством спросил Матусов.

– На этот вопрос пусть вам ответит сам Андрей Яковлевич.

Другом своим я бы Андрея не назвала, но я его знала с раннего детства. Мы вместе играли, бегали по Кремлю...

Никаких подробностей нашего знакомства Матусову я не рассказала. Ответила кратко:

– Я знакома с Андреем Яковлевичем достаточно хорошо. В таком случае, насколько мне известно, он не может быть моим следователем, я имею право на его отвод.

Но Матусов повторил, что моим следователем будет, несмотря на обстоятельства, именно Свердлов.

Видеть Андрея Свердлова в качестве следователя НКВД для меня было мучительно, потому что он был сыном Якова Михайловича, большинство соратников которого к тому времени пали жертвой террора; были репрессированы также и дети известных партийных деятелей, принадлежащие к окружению Андрея...

Андрей молча слушал мой диалог с Матусовым, затем решил высказаться.

– Что ты там про меня болтала? – спросил он уверенным тоном, давшим понять, что моя “болтовня” никак не повлияет на прочность его положения, не отразится на его карьере. А по натуре он, несомненно, был человеком с карьеристскими наклонностями.

Я лишь выражала опасение, пояснила я Андрею, что его первый арест повлечет за собой повторный, и на этот раз сфабрикуют контр-революционную организацию молодежи, занимающуюся террором, вредительством и т. д., и что к этой организации причислят и меня. Я полагаю, что наше знакомство будет способствовать этому и не улучшит положения ни его, ни моего.

– Как вы выражаетесь, – заметил Андрей (обращаясь ко мне на этот раз на “вы”), – “сфабрикуют контрреволюционную организацию” – мы здесь ничего не фабрикаем.

Я в ужасе промолчала и, как ни странно, только в тот миг окончательно поняла, что между нами – пропасть, что мы находимся по разные стороны баррикад. Я брезгливо посмотрела на Андрея. На этом наше первое свидание окончилось.

Вторично мы встретились через два-три дня. Первое потрясение прошло – ко всему привыкаешь. Другое мучило меня: встретившись с ним с глазу на глаз, я не сразу смогла сказать ему в лицо, что я о нем думаю. Я была возмущена до крайности, был даже порыв дать ему пощечину, но я подавила в себе это искушение. (Хотела – потому что он был свой, и не смогла по той же причине...) Вместе с тем я понимала, что падение Андрея – отнюдь не досадное недоразумение, за этим скрывался безнравственный и беспринципный характер...

Допрос оказался не таким, каким я себе его представляла. На этот раз Андрей был мягче, смотрел теплее. Проходя мимо, сунул мне в руку яблоко, но все же про свои обязанности сле-

дователя не забывал. Он сидел за письменным столом в небольшом узком кабинете. Мы смотрели друг на друга молча. Глаза мои наполнились слезами. Казалось, что и Андрей заволновался. Возможно, мне хотелось хотя бы это в нем увидеть.

У нас были схожие биографии: оба мы были детьми профессиональных революционеров...

Деятельность Андрея Свердлова нельзя было расценивать иначе как предательство. На меня смотрели глаза Каина. Но виновником катастрофы и его, и моей было одно и то же лицо – Сталин.

Молчание Андрея было невыносимо, но и сама я на некоторое время потеряла дар речи. Наконец взорвалась:

– О чем будете допрашивать, Андрей Яковлевич? Николая Ивановича уже нет, и добывать ложные показания против него не имеет смысла, после драки кулаками не машут! А моя жизнь – она у вас как на ладони, не вам о ней допрашивать. И ваша до определенного времени мне была достаточно ясна. Именно поэтому я защищала вас, заявляя, что к контрреволюционной организации вы не могли быть причастны.

Андрей, облокотившись о письменный стол, ссутулившись, смотрел на меня загадочным взглядом и, казалось, пропустил сказанное мимо ушей. И вдруг он произнес слова, никоим образом не относящиеся к следствию, возможно, правильной сказать, к теме нашего разговора:

– Какая у тебя красивая кофточка, Нюска! (Нюсей меня называли мои родители и все мои сверстники.)

Пожалуй, в этот момент я почувствовала жалость к предателю, подумав, что и он в ловушке, только зашел в нее с другой стороны.

– Так, кофточка моя тебе понравилась (я тоже обращалась к Андрею то на “вы”, то на “ты”, в зависимости от того, какие эмоции брали верх), а что же не нравится?

Андрей тотчас же собрался, и в нем проявился следователь. Он проговорил знакомые казенные слова, слышанные мною не один раз из других уст:

– Вы распространяете вредные антисоветские измышления, будто процессы есть судебная инсценировка и ваш Бухарин никаких государственных преступлений не совершил.

Все один и тот же мотив. Однако слышать эту песню от Андрея Свердлова было несравненно тяжелее, чем от Сквирского или Берии.

– А вы думаете, – воскликнула я, – что большевики предали дело всей своей жизни? Думайте, если вам так выгодно думать и легче жить. Неужто вы искренне считаете, что ваш близкий друг, Дима Осинский, – контрреволюционер, а вы нет! Что Страх Ганецкий – враг народа, а вы друг! Вероятно, вы их тоже допрашивали! Да разве только их, не меня же одну!

– Вас не касается, кого я допрашивал! – крикнул Андрей.

Затем, как и Берия, он зафиксировал внимание на моих разговорах с Лебедевой. Выразился так:

– Болтала слишком много, и стихами и прозой, а из этой болтовни наворотила гору лжи...

... Я сразу же сообщила ему, что “враг народа” Бухарин после его, Андрея, ареста звонил по телефону Сталину и просил за него.

Мой следователь изменился в лице, покраснел от волнения.

– Неужели? – переспросил он, хотя великолепно понимал, что это правда, и я подтвердила сказанное. На этот раз мое сообщение положило конец разговорам на следственные темы, и Андрей переключился на семейные... Сказал, что его жена Нина (дочь Подвойского), которую я знала, преуспевает на ответственной комсомольской работе и якобы она, как он выразился, “между прочим”, шлет мне привет. “Привет, между прочим”, кроме раздражения, никаких иных эмоций у меня не вызвал. Предполагаю, что жена Андрея и не знала о нашей драматической встрече.

Однако я в долгу не осталась и на один привет ответила несколькими. Передала привет от тетки Андрея – сестры Якова Михайловича – Софьи Михайловны, с которой побывала в Томском лагере; привет от двоюродной сестры Андрея – дочери Софьи Михайловны, жены Ягоды...

Понял ли Андрей, что не за тем столом сидит? В этом я сомневаюсь.

Наш разговор подходил к концу, и я нашла момент подходящим, чтобы попросить своего следователя позвонить по телефону моей бабушке и спросить от моего имени, не знает ли она, жив ли, где и у кого находится мой сын. Эту просьбу Андрей выполнил. Звонил при мне. Так я узнала, что Юра, которому в ту пору шел четвертый год, живет в Москве, у моей тетки – сестры матери. И, несмотря на тяжесть разговора с Андреем, я ушла из его кабинета окрыленная.

Я видела его еще трижды. Но если сначала мне удавалось заметить в нем хоть проблески человечности, то в дальнейшем и они исчезли.

Я снова была вызвана на допрос лишь через полтора года, в феврале 1941-го. Все три последующих допроса были краткими. Андрей встретил меня суровым взглядом и непонятным криком:

– Скоро будете давать показания?

В этом возгласе не было ни логики, ни смысла: полтора года назад Свердлов не требовал от меня никаких показаний.

– Мы вас еще как следует не допрашивали! Посадим в Лефортовскую тюрьму, тогда заговорите!.. Это военная тюрьма, там вы поймете, что такое следствие! – кричал Свердлов.

Об ужасающих пытках в Лефортовской тюрьме я слышала от сидевших одновременно со мной в Томском лагере жен сотрудников НКВД. Я не успела спросить у А. Свердлова, для какой цели он хочет подвергнуть меня пыткам, как вдруг, по-видимому, от сильного потрясения, от того, что со мной так разговаривает именно он, я почувствовала, что теряю зрение: сначала все помутнело и закружилось, затем, кроме светлого пятна горящей лампы на письменном столе следователя, я ничего уже не видела.

– Самую страшную пытку вы уже совершили, Андрей Яковлевич, я ослепла!

– Что вы симулируете! – крикнул Андрей.

– Я не симулирую, я вас не вижу, – дрожащим голосом произнесла я.

Я слышала, как Андрей звонил врачу. Кто-то, очевидно тюремщик, привел меня под руку в кабинет врача. Перед глазами зажигали лампу, спички, и снова, кроме светового пятна, я ничего не видела. Так продолжалось два дня. На третий зрение постепенно восстановилось. Тюремный надзиратель усиленно наблюдал за мной. “Глазок” почти беспрестанно шуршал. Товарищи по камере помогали мне во всем. Как только надзиратель убедился, что я прозрела, на следующий же день меня вызвали на допрос.

Андрей на этот раз был предупредителен и вежлив. Интересовался моим здоровьем, особенно зрением».

Вскоре жена Бухарина узнала, кому все это было нужно.

– Хозяину, – коротко ответил Свердлов.

Андрей Яковлевич Свердлов родился в 1911 году в семье видного революционера Якова Свердлова. Известно, что до первого своего ареста был комсомольским пропагандистом. Дважды, в 1935 и 1937 годах, арестовывался органами НКВД за антисоветские высказывания в кругу молодежи. В кругу своих друзей он неоднократно и прямо говорил, что Сталина нужно убить...

С 1938 года на работе в НКВД. О том, как он допрашивал подсудимых, сохранилось немало свидетельств. Например, репрессированный полковник Мещеряков вспоминал, как на допросе у Свердлова тот выбил ему 6 зубов всего лишь одним профессиональным ударом. Грубо обращался Свердлов и с женщинами. Так перед носом одной из них он просто махал нагайкой, угрожая избить. Долгое время другой репрессированный, Лев Игнатович Варшав-

ский, боялся упоминать вслух страшное для него имя своего следователя Свердлова. Лишь однажды, придя на прием к зубному врачу и хваля за удачное удаление зуба из нижней челюсти, Лев Игнатович не выдержал, обмолвившись: «Вы спрашиваете, где все мои зубы с верхней челюсти? Их удалил мне в молодости другой “зубной врач” – Свердлов!»

Другие очевидцы рассказывали, как упорно нежелающим говорить подследственным по указанию Свердлова конвоиры приспособляли руку жертвы в дверной проем кабинета следователя, после чего Андрей Яковлевич спокойно захлопывал дверь, ломая по 4–5 пальцев сразу.

После войны Свердлов работал в охране секретов советского атомного проекта, надзирая за учеными. Как свидетельствовали ученые-атомщики, при общении с А. Я. Свердловым веяло каким-то замогильным садистским холодом. Он был насквозь фальшив, лжив и имел склонность к позерству. В последние годы службы полковник А. Я. Свердлов занимал должность заместителя начальника отдела «К» (контрразведка) Главного управления МГБ СССР. В 1952 г. его арестовали вновь по «делу Абакумова».

После освобождения Свердлов работал в 4-м секретно-политическом отделе управления МВД СССР, а затем, после увольнения, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук.

Умер Андрей Яковлевич в 1969 году от разрыва сердца. Говорят, что в последнее время он постоянно чувствовал за спиной шепот: «Убийца!»

При жизни он умудрился написать и издать две книги, правда, в соавторстве и под псевдонимом: повесть «Двуликий Янус» – 1967 год (Яков Наумович Наумов, Андрей Яковлевич Яковлев (Свердлов) и повесть «Тонкая нить» – 1968 год.

Повести рассказывали о самоотверженной работе советских чекистов, умело раскрывающих сложное и запутанное дело и разоблачающих крупного фашистского резидента.

Третья книга – роман «Схватка с Обратнем» – увидит свет уже после смерти Свердлова.

Отец Андрея Яковлевича – Яков Михайлович Свердлов родился в 1885 году. Видный политический и государственный деятель, революционер, большевик. Председатель Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) с ноября 1917 года по март 1919-го.

Период между 1901 и 1917 годами провел в бесконечных ссылках и тюремных камерах. Умер он 16 марта 1919 года и был похоронен в некрополе на Красной площади. Долгие годы еще при Советской власти говорили, что умер Свердлов от простуды. Однако доподлинно известно, что умер председатель ВЦИК от удара в голову, полученного во время выступления перед рабочими железнодорожных мастерских города Орла. Кто-то из них бросил полено, угловидшее в видного большевика. Его срочно увезли в Москву, где ему стало совсем плохо. После нескольких дней, которые Свердлов-отец провел в бреду, и наступила смерть.

Парадоксально, но факт. В конце 20-х годов сын Свердлова Андрей случайно обнаружил у матери восемь весьма крупных бриллиантов от 22 до 36 карат. А в 1935 г. тяжелый несгораемый шкаф отца Свердлова, который стоял теперь в кабинете у М. И. Калинина (ключи были утеряны), из любопытства вскрыли. В этом большом сейфе находилось: ассигнации царской России – на сумму 750 тысяч рублей, золотые монеты дореволюционной чеканки на сумму 108 тысяч рублей, золотые изделия – 705 предметов, чистые бланки паспортов Российской Империи – 7 штук, заполненные паспорта РСФСР (три на мужчин и четыре на женщин), иностранные паспорта (один на мужчину и один на женщину).

* * *

Карл Радек и Григорий Сокольников в 1937 году были приговорены к тюремному заключению по делу так называемого Антисоветского троцкистского центра. Других, а именно Г. Пятакова, Л. Серебрякова, Н. Муралова, Я. Лифшица и Я. Дробниса, вообще расстреляли.

Оставшиеся в живых Радек и Сокольников как бы подтверждали всему миру «объективность и непредвзятость» «самого гуманного» советского суда.

Но ни талантливый публицист и экономист, как бывшие оппозиционеры, Сталину живыми были никак не нужны. И через год с небольшим, в мае 1939 года, Радек и Сокольников все же были убиты сокамерниками... По крайней мере так считали долгие годы...

Однако расследованием обстоятельств убийства Радека и Сокольникова, которое началось сразу же после XX съезда КПСС, было неопровержимо доказано, что за этими убийствами стоял сам вождь и, конечно же, исполнители.

Н. Петров, в частности, пишет: «Как пояснили вызванные в ЦК КПСС в 1961 г. бывшие руководящие работники секретно-политического отдела ГУГБ НКВД П. В. Федотов и Я. Н. Матусов: "...Оперативно-чекистские отделения при политизоляторах свои донесения о поведении Радека и Сокольникова и им подобных лиц направляли непосредственно в адрес лично Берии, который их посылал или докладывал Сталину, что было работникам отдела известно как со слов Кобулова, так и по смыслу, сколько помнится, его письменных указаний на донесениях политизоляторов". Причем оба, и Федотов и Матусов, утверждали, что "убийство Радека и Сокольникова было совершено по указанию Сталина"».

Вот подробности убийства Радека, изложенные сухим канцелярским стилем документа из архива комиссии Н. М. Шверника:

«В Верхнее-Уральскую тюрьму в мае 1939 года выезжал оперативный работник 2-го управления ГУГБ НКВД Кубаткин. Первый раз он возил с собой некоего Мартынова, якобы заключенного (личность не установлена), который был помещен в одну камеру с Радеком, преднамеренно учинил с ним драку, но убить Радека не смог и был увезен Кубаткиным из тюрьмы. Через несколько дней Кубаткин вновь приехал в тюрьму с другим заключенным по фамилии Варезников. Этого заключенного также поместили в камеру к Радеку. На следующий день, 19 мая, Варезников, спровоцировав драку, убил Радека. В акте, составленном администрацией тюрьмы, указано, что убивший Радека Варезников является якобы троцкистом. В действительности под фамилией Варезников был зашифрован Степанов И. И., бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР, арестованный в феврале 1939 года за серьезные должностные преступления. В ноябре того же года по указанию Берии Степанов освобожден из-под стражи. В постановлении о прекращении дела указано, что он выполнил "специальное задание", имеющее важное государственное значение».

А теперь ознакомимся со справкой председателя КГБ при СМ СССР И.А. Серова в ЦК КПСС по делу «Антисоветского центра» об обстоятельствах убийства Г. Я. Сокольникова и К.Б. Радека: «№ 1621-с 29 июня 1956 г.

Совершенно секретно...

Радек и Сокольников после осуждения среди своих сокамерников стали утверждать о своей невиновности и о инсценировании всего процесса. Несомненно, что это и привело к тому, что в мае 1939 года было принято решение о их "ликвидации". Имеющиеся в архиве КГБ документальные данные свидетельствуют о том, что убийство Радека и Сокольникова проводилось под руководством Берии и Кобулова в соответствии со специально разработанным планом.

Непосредственное осуществление этих актов было возложено на работников 2-го отдела НКВД СССР – ст. оперуполномоченного Кубаткина, оперуполномоченного Шарока и специально подобранных людей из числа арестованных, которые в секретном порядке выехали для выполнения задания в верхнеуральскую и Тобольскую тюрьмы, в которых содержались Радек и Сокольников.

Как установлено, убийство Сокольникова было произведено при следующих обстоятельствах. Предварительно Сокольников был переведен в одиночную камеру, а 21 мая 1939 года, как это было обусловлено по плану, к нему вошли начальник тюрьмы Флягин, оперуполномо-

ченный Шарок и прибывший из Москвы заключенный Лобов (быв. пом. нач. ОО ЛВО, осужденный в связи с убийством С. М. Кирова), набросились на него и убили.

О случившемся тогда же был составлен фиктивный акт и оформлен протокол допроса заключенного Котова П. М. (под такой фамилией фигурировал Лобов). В этом протоколе, составленном начальником тюрьмы, обстоятельства убийства Сокольников описывались так:

“Вызывающий тон в вопросе Сокольников побудил во мне злобу. Я назвал его фашистским наймитом, и что за вас и подобных вам лидеров приходится и мне нести ответственность. Сокольников моментально встал с кровати и с угрожающим видом начал приближаться ко мне. Я сидел на своей кровати, рядом с которой стояла камерная параша, я схватил ее и ударом по голове отстранил его от себя” (Арх. дело № 300954, т. 1, л. д. 138.)

При аналогичных обстоятельствах под руководством ст. оперуполномоченного Кубаткина 19 мая 1939 года в Верхнеуральской тюрьме НКВД был убит и Радек.

И в данном случае это заранее подготовленное убийство было затем оформлено как результат драки. Так, в акте смерти Радека, составленном администрацией тюрьмы, указывается:

“При осмотре трупа заключенного Радека К. Б. обнаружены на шее кровоподтеки, из уха и горла течет кровь, что явилось результатом сильного удара головой об пол. Смерть последовала в результате нанесения побоев и удушения со стороны заключенного троцкиста Варежникова, о чем и составили настоящий акт”.

Как установлено проверкой, вскоре после этого осуществлявшие убийство заключенных Радека и Сокольников Кубаткин и Шарок, работавшие до этого рядовыми сотрудниками аппарата НКВД, были назначены – Кубаткин – Начальником Управления НКВД Московской области, а Шарок – заместителем наркома внутренних дел Казахской ССР...

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР И. Серов».

Что касается Петра Николаевича Кубаткина, то к его персоне нам придется еще вернуться в другое время и в другой главе. А вот на биографии Григория Федоровича Шарока стоит остановиться. Ведь именно его под собственной фамилией описал в романе «Дети Арбата» А. Рыбаков.

Шарок родился в 1900 году в Виленской губернии в семье крестьянина. Русский. Окончил сельскую школу, работал чернорабочим на стройке железнодорожной ветки и на заводе. В 1919-м был призван в Красную Армию. Служил сначала пулеметчиком, а с 1921 года в дивизионе особого назначения ВЧК-ГПУ. В 1922 г. он вступает в партию.

С 1924-го, после демобилизации, работает на административно-хозяйственной работе – управляющим делами ВСНХ, управделами в Мосжилстрое, кадровиком в Наркомате снабжения РСФСР. В 1927 г. окончил курсы при Московском промышленно-экономическом институте. Пытался поступить в институт, но попытка оказалась неудачной. С 1932 г. снова на работе в органах ОГПУ: уполномоченный, помоперуполномоченного в секретно-политическом отделе. С 1936 г. – младший лейтенант ГБ, с ноября 1937-го – лейтенант ГБ и с 4 апреля 1939 г. – старший лейтенант ГБ.

С октября 1939 г. – заместитель наркома внутренних дел Казахстана. С мая 1940-го – начальник городского управления НКВД в Вильнюсе. С 5 октября 1939-го – капитан ГБ, с 14 марта 1940-го – майор ГБ, с 14 февраля 1943 г. – полковник ГБ.

С началом Великой Отечественной войны возглавлял оперативную группу НКВД 22-й армии на Западном и Калининском фронтах. И только потом работал у генерала Судоплатова в 4-м управлении НКГБ заместителем начальника отдела, а с августа 1943 г. начальником 1-го отдела.

В 1943–1944 гг. – начальник 2-го управления НКГБ Белоруссии, затем заместитель начальника УНКГБ по Гомельской области. С ноября 1945-го – начальник УНКГБ-УМГБ по

Молодеченской области. С 1947 года на работе в центральном аппарате МГБ: заместитель начальника отдела в 5-м управлении, с 1949-го в 7-м управлении.

В мае 1954 года уволен в запас по возрасту.

За годы службы в госбезопасности был награжден: орденом Ленина (1954 г.), орденом Красного Знамени (1954 г.), орденом Отечественной войны 1-й степени (1945 г.), орденом Отечественной войны 2-й степени (1948 г.), двумя орденами Красной Звезды (1943 г. и 1944 г.), орденом «Знак Почета» (1940 г.) и 11 медалями.

На пенсии с 1961 по 1968 г. работал инструктором Центрального автотоклуба в Москве. Умер в 1981 году.

Начальник областного управления

Когда Лаврентий Павлович пришел в НКВД, то первым делом он, как и положено, начал знакомиться с руководящим составом наркомата. Так, при утверждении нового начальника Ростовского областного управления НКВД Д.Д. Гречухина в ходе беседы Берия поинтересовался, вербовал ли кто-нибудь его в какую-либо антисоветскую организацию.

И страх Гречухина оказался вовсе не напрасным. Именно его приехал заменить Виктор Семенович Абакумов в конце 1938 года. Меньше трех месяцев майор ГБ Гречухин руководил УНКВД Ростовской области (с 19 сентября 1938 г. по 03 декабря 1938 г.).

Его арестовали 3 декабря 1938 года, а уже 22 февраля 1939-го приговорили к высшей мере наказания по ст. 58—1 «а» и 58—11 УК РСФСР. Понял ли он что-нибудь перед смертью, разобрался ли он в хитросплетениях СИСТЕМЫ? Неизвестно.

А незадолго до этого, все в том же 1938 году к известному писателю М.А. Шолохову подбирались именно из УНКВД Ростовской области. К нему вообще подбирались не в первый раз, но на этот гораздо серьезнее...

Началось все с письма Сталину возмущенного писателя, по которому была организована тщательная проверка с выездом на место. 23 мая на стол вождю легла докладная записка секретаря партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова и начальника 4-го отдела Главного управления НКВД СССР В.Е. Цесарского «О результатах проверки письма тов. Шолохова на имя товарища Сталина». Второй экземпляр этой докладной записки был направлен наркому НКВД Ежову.

В ней официальным тоном, без тени смущения подчеркивалось: «В своем письме на имя товарища Сталина тов. Шолохов выдвигает против работников НКВД Ростовской области ряд обвинений, которые в основном сводятся к следующему:

1. Группа работников УНКВД Ростовской области создавала и продолжает создавать ложные дела на честных и преданных Советской власти людей. “Сотни коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылках” (из письма т. Шолохова).

2. В органах НКВД Ростовской области к арестованным применяются физические насилия и длительные допросы, толкающие арестованных на путь оговаривания неповинных людей и приписывания себе преступлений, ими не совершенных. “Надо покончить, – писал т. Шолохов, – с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным”.

3. Против тов. Шолохова подбирались ложные материалы и распускались провокационные слухи с единственной целью его скомпрометировать. “В такой обстановке, какая была в Вешенской, невозможно было не только продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги” (из письма т. Шолохова).

В своем письме т. Шолохов требовал пересмотреть следственные дела за 1937 и 1938 гг., освободить из-под стражи невинно осужденных и привлечь к ответственности работников УНКВД по Ростовской области, повинных в этих преступлениях. Тов. Шолохов писал: “Надо тщательно проверить дела осужденных по Ростовской области в прошлом и в нынешнем году, так как многие из них сидят напрасно”».

Естественно, проверяющие корпоративно пришли к выводу, что «факты, изложенные т. Шолоховым в его письме, не подтвердились». Тем более что непосредственным начальником Шкирятова в Комиссии партийного контроля был сам Ежов. Его ответ не заставил себя долго ждать: осенью 1938 г. в Ростовское областное управление НКВД был тайно вывезен из ст. Вешенской Ростовской области известный активист, член КПСС И. С. Погорелов. Начальник управления Гречухин доверительно сообщил ему, что на Северном Кавказе обнаружена под-

польная контрреволюционная организация, возглавляемая М. А. Шолоховым, в руководящее ядро которой входят: секретарь Вешенского райкома партии Луговой, председатель Вешенского райисполкома Логачев, старый казак Громославский (тесть Шолохова) и другие. В частности, Гречухин заявил: «Сталин и нарком НКВД Ежов приказали нам разоблачить и ликвидировать эту организацию. Вопрос согласован с Ростовским обкомом партии, получено указание об аресте Шолохова и всей его группы, и исполнение этой операции поручается Погорелову».

Погорелов в свою очередь хоть и дал согласие взяться за эту «операцию» все же не верил тому, что Шолохов «враг народа». И когда великий писатель приехал в Ростов, он на свой страх и риск встретился с ним и рассказал о грозящей расправе.

Сам Шолохов вспоминал: «Предупредили меня, что ночью приедут арестовывать и из Ростова уже выехала бригада. Наши станичные чекисты, как сказали мне, тоже предупреждены, их у окон и ворот поставят... Что делать? Бежать! В Москву. Куда же еще? Только Сталин и мог спасти... И бежал. На полуторке. Но поехал не в Миллерово, а к ближайшей станции в другой области».

В Москве Шолохов написал Сталину короткую записку: «Дорогой Сталин!

Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу.

М. Шолохов. 16.10.38 г.».

Сталин принял писателя 23 октября в 18.30 и беседовал с ним 50 минут. А 31 октября в кабинете вождя состоялось заседание по «делу» писателя, на котором присутствовали Молотов, Маленков, Шолохов, Луговой, а также Ежов, Гречухин и работники его аппарата Щавелев и Коган, начальник Вешенского районного отделения НКВД Лудищев. Главным свидетелем стал Погорелов.

На этом заседании в своем последнем слове вождь сказал: «Человек с такими глазами не может быть нашим врагом. Товарищ Шолохов, как вы могли подумать, что партия даст вас в обиду? Великому русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для работы».

Кстати сказать, Михаил Шолохов познакомился с женой самого Ежова – Евгенией Соломоновной – еще в феврале 1938 года. Поэтому у наркома внутренних дел, кроме всего прочего, были личные мотивы ненавидеть известного писателя. И вот почему.

Знакомство состоялось в тот момент, когда Шолохов приезжал в Москву жаловаться на бесчинства чекистов в его родном Вешенском районе.

«После беседы в наркомате Ежов пригласил Шолохова к себе на дачу, где и произошла встреча знаменитого писателя с женой не менее знаменитого сталинского наркома, – рассказывает А. Е. Павлюков. – Евгения Соломоновна понравилась Шолохову, и когда в июне 1938 года писатель снова побывал в столице, он посетил ее в редакции журнала “СССР на стройке” под предлогом своего участия в выпуске номера, посвященного красному казачеству.

В середине августа 1938 г. Шолохов в очередной раз оказался в Москве и вместе с писателем А.А. Фадеевым заехал в редакцию к Евгении Соломоновне, после чего они втроем отправились обедать к Шолохову в гостиницу «Националь».

Домой Евгения Соломоновна приехала в тот день поздно вечером. Ежов уже вернулся с работы и был очень недоволен, когда узнал, как она проводила время, тем более что из поведения жены ясно следовало, что ухаживания Шолохова не оставили ее равнодушной.

На следующий день Шолохов снова был в редакции, опять они, теперь уже вдвоем, отправились в «Националь», но в этот раз одним только обедом в гостиничном номере дело не ограничилось.

Прослушиванием номеров в гостиницах, в том числе в гостинице «Националь», занималось 1-е отделение Отдела оперативной техники. Порядок был установлен следующий. Номера, где проживали представляющие интерес постояльцы, прослушивались по специальным указаниям, поступающим от тех или иных оперативных подразделений НКВД (такое задание было

получено, в частности, и на прослушивание номера Шолохова во время его предыдущего пребывания в Москве в июне 1938 г.). Контролеры (стенографистки), не имеющие на данный рабочий день конкретного задания, должны были периодически, методом свободной охоты, подключаться к различным гостиничным номерам и, если услышанный ими разговор оказался интересным, записывать его.

Накануне того дня, когда Евгения Соломоновна пришла в гости к Шолохову, одна из стенографисток, подсоединившись к гостиничному номеру писателя и узнав его по голосу, запросила у руководства санкцию на дальнейшее прослушивание. Начальник Отдела оперативной техники М. С. Алехин связался с начальником Секретно-политического отдела А. С. Журбенко и, получив от него подтверждение целесообразности контроля, распорядился продолжать прослушивание. Поэтому, когда на следующий день ничего не подозревающие Евгения Соломоновна и Шолохов оказались в номере писателя, их свидание было добросовестно протоколировано, причем фиксировались не только произносимые слова, но и то, что, по мнению стенографистки, в этот момент происходило («идут в ванную», «ложатся в постель» и т. д.).

Ознакомившись на следующий день с представленной ему записью, М. С. Алехин сразу же направился на доклад к Ежову. По возвращении он вызвал помощника начальника 1-го отделения Н.П. Кузьмина и приказал никому о случившемся не рассказывать, даже начальнику отделения В. В. Юшину, находившемуся в тот момент в командировке, а в дальнейшем все материалы (стенограммы и тетради стенографических записей) в запечатанном виде и, ни в коем случае не читая, передавать лично ему.

Свидетелем реакции Ежова на случившееся стала подруга Евгении Соломоновны З. Ф. Гликина. Вот что она потом рассказала об этом:

«На другой день (после свидания с Шолоховым) поздно ночью Хаютина-Ежова и я, будучи у них на даче, собирались уж было лечь спать. В это время приехал Н.И. Ежов. Он задержал нас и пригласил поужинать с ним. Все сели за стол. Ежов ужинал и много пил, а мы только присутствовали как бы в качестве собеседников.

Далее события разворачивались следующим образом. После ужина Ежов в состоянии заметного опьянения и нервозности встал из-за стола, вынул из портфеля какой-то документ на нескольких листах и, обратившись к Хаютиной-Ежовой, спросил: “Ты с Шолоховым жила?”

После отрицательного ее ответа Ежов с озлоблением бросил его (т. е. документ) в лицо Хаютиной-Ежовой, сказав при этом: “На, читай!”

Как только Хаютина-Ежова начала читать этот документ, она сразу же изменилась в лице, побледнела и стала сильно волноваться. Я поняла, что происходит что-то неладное, и решила удалиться, оставив их наедине. Но в это время Ежов подскочил к Хаютиной-Ежовой, вырвал из ее рук документ и, обращаясь ко мне, сказал: “Не уходите, и вы почитайте!” При этом Ежов бросил мне на стол этот документ, указывая, какие места читать.

Взяв в руки этот документ и частично ознакомившись с его содержанием... я поняла, что он является стенографической записью всего того, что произошло между Хаютиной-Ежовой и Шолоховым у него в номере.

После этого Ежов окончательно вышел из себя, подскочил к стоявшей в то время у дивана Хаютиной-Ежовой и начал избивать ее кулаками в лицо, грудь и другие части тела. Лишь при моем вмешательстве Ежов прекратил побои, и я увела Хаютину-Ежову в другую комнату.

Через несколько дней Хаютина-Ежова рассказала мне, что Ежов уничтожил указанную стенограмму».

После всего этого большого грязного дела и прибыл в Ростов Виктор Семенович Абакумов.

В предвоенные годы в Ростове-на-Дону значительно улучшилось транспортное сообщение. Были проложены новые трамвайные линии, в том числе и на далекие городские окраины, а в июне 1936 года открылось движение троллейбусов. Ростов стал третьим городом в

СССР (после Москвы и Киева), получившим этот новый вид городского транспорта. Для гостей города была построена одна из крупнейших в стране гостиниц, получившая имя «Ростов».

К 1937 году в городе действовали 98 общеобразовательных школ (включая начальные) и 8 вузов, 19 техникумов, 4 музыкальные и художественные школы (к концу 30-х гг.).

Также в Ростове функционировали 34 научных учреждения, 110 библиотек, 34 клуба, 9 музеев, 6 театров и 17 кинотеатров. В ноябре 1935 года на бывшем пустыре, когда-то служившем границей между Ростовом и Нахичеванью, было завершено строительство великолепного здания Ростовского драматического театра имени М. Горького с залом на 2200 мест. Накануне войны Ростов являлся одним из крупнейших промышленных и культурных центров страны. Темпы промышленного производства здесь были заметно выше, чем в целом по стране. В 1940 г. валовая продукция промышленности по сравнению с 1913 г. выросла в 18 раз. Ростов производил 25 процентов сельскохозяйственных машин, 33 процента цинковых белил и эмалированной посуды, изготавливаемых в СССР. Развитие жилищного строительства привело к росту города, длина его улиц увеличилась на 140 км. В целом территория Ростова к 1940 году увеличилась более чем в два раза. По данным переписи, в 1939 году в Ростове проживало уже 510 тысяч человек. За 20 лет население Ростова увеличилось более чем в два раза. Ростов занимал по этому показателю устойчивое десятое место среди городов СССР.

Словом, не Москва, но жить можно было и здесь, а тем более большим и самым страшным начальником...

Областное управление, которое принял Абакумов, состояло из аппарата Управления госбезопасности (экономический отдел, секретно-политический отдел и другие). Именно этим аппаратом непосредственно руководил начальник управления НКВД.

Далее ему подчинялись: инспекция внутренней охраны, управление милиции, аппарат инспекции резервов, инспекция противопожарной охраны, старший инструктор, аппарат связи, финансовое отделение, секретариат.

По воспоминаниям одного из ветеранов ГБ, «в то время от территориальных Управлений ничего особенного не требовалось – выполняй указания Москвы и вовремя отчитывайся. Приказывали пересматривать дела на арестованных и осужденных – мы пересматривали, многих отпускали. Приказывали очистить оборонные предприятия от поляков, потенциальных вражеских агентов, – мы очищали».

Сын Берия Серго в книге про отца пишет: «В одну из таких групп включили тогда и Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключенных, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов “освобождал заключенных огульно”, зарабатывая на этом авторитет. Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал».

Например, все тот же Петр Кубаткин весной 1939 г., будучи старшим оперуполномоченным, назначается начальником Московского управления НКВД. Как подчеркивает М. Карих, новый начальник «там не застал практически ни одного сотрудника, звание которого было бы выше младшего лейтенанта. Большинство не имело ни соответствующего образования, ни профессиональных навыков. А между тем в наследство новому руководителю управления досталась масса незавершенных дел, возбужденных преимущественно по 58-й статье УК РСФСР: антисоветская агитация, вредительство, шпионаж. В общем потоке обвинений преобладали дела по антисоветской пропаганде. Рассмотрев часть этих дел, Кубаткин быстро разобрался, что они заведены без достаточных на то оснований. Более чем по 100 делам, заведенным по 58-й статье, он вынес мотивированное заключение об их прекращении, так что все арестованные по ней были отпущены на свободу.

Первые шаги нового руководителя спасли жизнь многим людям, но поддержки наверху не получили. Петру Николаевичу сделали внушение за увлечение “либеральной линией” и “легкий подход” к рассмотрению дел».

Что-то подобное происходило и в Ростове, тем более после скандала с писателем Шолоховым. Но в инициативу благородства нового начальника УНКВД верится с трудом. Не те времена были, не те нравы...

21 августа 1938 г. был арестован профессор Лев Александрович Велихов (1875 г.р.). Он преподавал в высших учебных заведениях Новочеркаска и Ростова-на-Дону, часто выступал с лекциями в рабочих центрах Донбасса. В 1937 г. он получил инвалидность второй группы в связи с заболеванием сердца и был вынужден уйти на пенсию.

И вот арест и заключение под стражу во внутреннюю тюрьму УНКВД Ростовской области.

Как утверждает В. Шелохаев, «за время следствия, сроки которого неоднократно продлевались, его допрашивали 16 раз. Материалы следственного дела Велихова составляют пять томов. 63-летнего профессора обвиняли сразу по пяти пунктам 58 ст. Уголовного кодекса. Он якобы являлся «организатором и руководителем нелегальной организации кадетов в Ростовской области, которая вела активную борьбу против Советской власти путем вредительства, организации кадров для вооруженного восстания против Советской власти и создания террористических групп для совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства». Начальник УНКВД по Ростовской области В. С. Абакумов работал с размахом. Дело, в котором названы десятки имен бывших лидеров кадетской партии, сулило продвижение в карьере, и действительно вскоре он оказался на ключевых постах в НКВД СССР.

Сломив волю старого больного человека, следователи заставили его признаться в том, что он якобы с 1925 г. проводил контрреволюционную деятельность, регулярно встречался с бывшими членами ЦК кадетской партии в Москве и Ленинграде, получал от них соответствующие инструкции по формированию террористических групп в Ростове и Новочеркаске, готовил вооруженное восстание в казачьих районах, разрабатывал планы покушения на руководителей партии и правительства.

В показаниях зафиксированы фантастические сведения о том, например, что в кадетскую контрреволюционную террористическую организацию завербовано «свыше 1 млн граждан», что кадеты готовили покушение на Ленина в 1918 г.» и т. д. и т. п.

28 июня 1939 г. военный прокурор Северо-Кавказского военного округа отказался удовлетворить просьбу следственных органов об очередном продлении следствия, вызвал Велихова на допрос, а затем вынес решение об окончании дела в пятидневный срок.

На заседании Особого совещания в Москве 5 января 1940 г. профессору дали 8 лет с заключением в исправительно-трудовой лагерь, засчитав срок с 19 августа 1938 года.

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Бывший генерал Георгий Николаевич Масляников (1868 г. р.) перед своим арестом 19 марта 1938 г., накануне семидесятилетия, работал главным бухгалтером артели «Геркулес». Потомок генерала В. Н. Белопольский в своем исследовании указывает: «Характерно, что обвинение было предъявлено много позже – 14 декабря 1938. Дело в том, что у следователя не было компрометирующих сведений (кроме главного по тому времени: перед ним бывший генерал!), поэтому он заявил: “Пишите о своей контрреволюционной деятельности”. На ответ арестованного, что никакой контрреволюционной деятельности не ведет, последовали методы пыточного следствия: 9 суток заставили стоять “в стойке”, не двигаясь, избиение кулаками по лицу и ногами по спине, оскорбления и, наконец, особенно мучительные избиения резиновыми дубинками.

Семидесятилетний старик понял, что сердце его не выдержит, и решил под влиянием сокамерников (среди них, конечно, были “подсадные утки”) дать требуемые показания. Следователь снабдил его “программкой”, и Масляников написал при помощи соседа по камере, что однажды к нему в артель явился ротмистр Дубровский, сказал, что он от генерала Арта-

монова из Парижа, и завербовал его в контрреволюционную организацию. Следователь взял показания, сказал, что это черновик, и он оформит протокол позднее. Это было 9 апреля 1938. После этого Масляникова не вызывали на допросы 8 месяцев...

На допрос генерал был вызван лишь 27 января 1939, затем было еще два допроса 7 февраля и 19 февраля 1939. Они показали, что следствие за это время получило, точнее, состряпало “улики”.

Дело в том, что допрос сослуживцев Масляникова по “Геркулесу” не дал желаемого результата. Сослуживцы отзывались о нем хорошо, говорили, что он учил их бухгалтерскому делу, разговоры на политические темы не вел... Лишь один из них (культурник, кандидат в члены партии), стараясь выслужиться, показал, что Масляников был против Советской власти... поскольку на вопросы о зарплате отвечал: “Начислят сколько надо. Не мешайте работать, все равно ничего не поймете”.

Но в июле 1938 появились показания Р. – бухгалтера артели слепых в Ростове, бывшего казачьего полковника. Эти показания занимают в деле 30 страниц и были положены в основу обвинительного заключения... Контрреволюционное подполье (или, как значится в деле, «Контрреволюционная белогвардейская казачья организация, ставящая своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания») было организовано, согласно версии следствия, в 1922 году... Для ее организации из Стамбула по заданию генералов Краснова и Богаевского был нелегально доставлен и высажен в районе Севастополя полковник Данилов. Он перебрался в Новочеркасск и приступил к формированию подполья. Во главе организации стали два казачьих генерала...»

А всего 8 генералов, 7 полковников, больше 10 диверсионных групп, десятки участников. Неправда ли «хорошая работа»? Обвинительное заключение по всему этому бреду подписал начальник управления НКВД по Ростовской области капитан ГБ В. Абакумов.

На закрытом заседании военного трибунала войск Северо-Кавказского округа, состоявшемся 25 мая 1939 года и длившемся всего 40 минут, генерала признали виновным по 58 статье УК РСФСР (пункт 2 – вооруженное восстание, захват власти в центре или на местах; п. 9 – диверсия; п. 10 – антисоветская пропаганда и агитация; п. 11 – вступление в к/р организацию) и приговорили к лишению свободы сроком на 15 лет тюремного заключения с поражением политических прав на 5 лет.

Масляников умер в Орловской тюрьме 27 октября 1940 года. И ничего удивительно в этом нет. Удивительно другое: на суде, стоя в гордом одиночестве, генерал виновным себя не признал, от прежних показаний отказался, сказал, что перечисленных в обвинительном заключении лиц не знает, а фамилию Дубровский, который будто бы завербовал его в организацию, он взял из повести Пушкина.

Только так и работало управление НКВД под руководством Абакумова, а никак иначе. Не за такую ли работу его утвердят в этой должности 27 апреля 1939 года? Не за такую ли работу ему присвоят звание старшего майора ГБ (минуя майора) 14 марта 1940 г.? Не за такую ли работу его наградят орденом Красного Знамени № 4697 26 апреля 1940 года?

В сентябре 1937 года Азовско-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область. За первые два года своего существования Ростовская область потеряла почти 12 тысяч человек. К 1939 году массовые аресты пошли на убыль, но репрессии продолжались. Люди продолжали пропадать, и больше их никто не видел.

До сих пор неизвестны места их захоронения. Например, в той же Ростовской области документально подтверждено только одно – Воловья балка под Таганрогом. Но там похоронены три десятка человек. Где остальные, неизвестно до сих пор!

Примечательно, что именно 10 января 1939 года, а не раньше Сталин подписал свою знаменитую шифротелеграмму. Вот ее текст:

«26/ш

Шифром ЦК ВКП(б)

СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ,

ЦК НАЦКОМПАРТИИ, НАРКОМАМ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов – крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении *заядлых* агентов буржуазии, *заклятых* врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоблачающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»

(* ___ * Вписано от руки Сталиным).

И представьте себе, били. Да еще как!

Коллега Абакумова Л. Е. Влодзимирский, будучи начальником следчасти, лично занимался делом «военных заговорщиков» (Локтионова, Рычагова, Смушкевича и других) в 1941 году. Бывший следователь В. Г. Иванов покажет в 1956 году: «Я вызвал по указанию Родоса арестованного Локтионова и привел его на допрос в кабинет начальника следственной части НКВД Влодзимирского. Во время допроса Влодзимирский и Родос требовали от Локтионова показаний о его антисоветской работе. Локтионов не признал себя виновным. Тогда Влодзимирский и Родос приказали Локтионову лечь животом на пол и принялись поочередно на моих глазах избивать Локтионова резиновыми палками, продолжая требовать от него показаний об антисоветской деятельности. Избиение продолжалось длительное время с небольшими перерывами. Локтионов от ударов, от боли катался по полу, и ревел, и кричал, что он ни в чем не виноват. Во время избиения Локтионов лишился сознания, и его откачивали водой».

Тогда же, в 1956-м, другой свидетель, бывший начальник 1-го спец-отдела (учетно-архивного) Баштаков, показал, как заместитель начальника следчасти капитан ГБ Родос вместе с Берия и следователем Эсауловым зверски избивали перед расстрелом кандидата в члены Политбюро ЦК Эйхе в отместку за его заявление на суде: «Домогаясь от Эйхе ложного признания о том, что он якобы являлся шпионом, Родос, Берия и Эсаулов выбили у Эйхе глаз. Однако и после этого Эйхе виновным себя не признал». Подробнее это выглядело следующим образом: «На моих глазах по указаниям Берия Родос и Эсаулов резиновыми палками жестоко избивали

Эйхе, который от побоев падал, но его били и в лежачем положении, затем его поднимали, и Берия задавал ему один вопрос: “Признаешься, что шпион?” Эйхе отвечал ему: “Нет, не признаю”. Тогда снова началось избивание его Родосом и Эсауловым, и эта кошмарная экзекуция над человеком, приговоренным к расстрелу, продолжалась только при мне раз пять. У Эйхе при избивании был выбит и вытек глаз. После избивания, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, он приказал увести его на расстрел».

Другой подследственный Родоса, заведующий отделом руководящих комсомольских органов ЦК ВЛКСМ Белосудцев, в своем заявлении Сталину от 20 февраля 1940 года так описал методы работы этого палача: «Родос взял крученую веревку с кольцом на конце и давай хлестать по ногам, ударит и протянет ее по телу... Я извивался, катался по полу и наконец увидел только одно зверское лицо Родоса. Он облил меня холодной водой, а потом заставил меня сесть на край стула копчиком заднего прохода. Я опять не выдержал этой ужасной тупой боли и свалился без сознания. Через некоторое время, придя в сознание, я попросил Родоса сводить меня в уборную помочиться, а он говорит: “Бери стакан и мочись”. Я это сделал и спросил, куда девать стакан. Он схватил его и поднес мне ко рту и давай вливать в рот, а сам кричит: “Пей, говно в человеческой шкуре, или давай показания”. Я, будучи вне себя, да что говорить, для меня было все безразлично, а он кричит: “Подпиши, подпиши!” – и я сказал: “Давай, я все подпишу, мне теперь все равно”».

К слову сказать, через пару месяцев этот самый Родос был награжден орденом Красной Звезды. Произошло это 26 апреля 1940 года. День в день вместе с Абакумовым.

14 декабря 1939 года в автобиографии В. С. Абакумов напишет: «Работая в органах НКВД (УНКВД МО, ЭКУ НКВД, 3-й отдел ГУЛАГа, 2-й отдел ГУГБ) я все время был на низовой работе.

В 1939 г. руководством НКВД СССР был выдвинут на руководящую чекистскую работу – нач. УНКВД Ростовской области. Работая начальником УНКВД Ростовской области, я был избран делегатом на XVIII съезд ВКП(б). Являюсь членом бюро и пленума Ростовского обкома ВКП(б) и членом пленума горкома ВКП(б).

Жена – Смирнова Т. А., дочь сапожника. Дома учится».

К слову сказать, Татьяна Андреевна Смирнова так и осталась гражданской женой Виктора Семеновича. Тогда почему-то было модно жениться, не регистрируясь. Так жили многие товарищи Абакумова, годами не оформляя своего брака.

25 февраля 1941 года Абакумова назначили заместителем наркома внутренних дел СССР.

После разделения НКВД СССР 3 февраля 1941 года на два наркомата – НКВД и НКГБ, приказом НКВД СССР № 00212 от 26 февраля 1941 года была объявлена новая структура НКВД СССР. Наркомом внутренних дел оставался Л. П. Берия.

Первым заместителем наркома назначили С.Н. Круглова, затем два «чистых» зама: В. С. Абакумов и В. В. Чернышев и еще два И.П. Маслеников (по войскам) и Б. П. Обручников (по кадрам).

В должности заместителя наркома внутренних дел Абакумов курировал Главное управление милиции (ГУМ), Главное управление пожарной охраны (ГУПО) и 3-й отдел НКВД (контрразведывательное обеспечение пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции).

Кто они, палачи из НКВД?

Палач – лицо, приводящее в исполнение приговор о смертной казни или телесном наказании, осуществляющее пытки...

В конце 1937 года некто Луховицкий, обычный следователь из НКВД, вел дело Аркадия Емельянова, бывшего начальника Главного строительного управления Наркомпищепрома СССР.

В 1955 году, после реабилитации, Емельянов в своих показаниях военному прокурору Главной военной прокуратуры СССР майору юстиции Кожуре расскажет, как с ним «работал» тот самый следователь: «...Вы знаете за что Вас арестовали?» – спрашивает меня Луховицкий. «Нет, не знаю». Луховицкий сделал шаг вперед, плюнул в лицо и обругал матом. Я бросился на него. Он ждал этого и ударил меня ногой в пах. Я потерял сознание. Очнулся на полу в уборной, которая была напротив комнаты следователя, в мокрой и окровавленной одежде с разбитыми губами и носом. Возле меня стоял Луховицкий и фельдшер, который дал лекарство, прощупал пульс и сказал: «Страшного ничего нет». Меня ввели снова в комнату и поставили к стенке. Луховицкий предупредил, что я буду стоять на «конвейере» до тех пор, пока не подпишу показаний. Издевался до утра. Ему на смену пришел другой 23–25 лет с вьющимися светлыми волосами. Был до середины дня, уговаривал не мучить себя и дать показания. Затем пришел в штатском 20–22 лет. Его поздно вечером сменил Луховицкий. Так – трое суток. Я все время стоял на ногах. Не давали пищи. В дежурство Луховицкого не давали воды и не разрешали курить. На четвертые сутки у меня на опухших ногах полопались сосуды и ноги превратились в бесформенную кровавую массу. Появились галлюцинации, временами я терял сознание, падал. Меня поднимали и, как выражался Луховицкий, «подбадривали пробойками»: в пробках от бутылок были проколоты иголки и булавки, которые выходили на 2–3 миллиметра. Ими кололи бока, снизу ноги. Применяли и другие способы «подбадривания»: когда я закрывал глаза, выдергивали волосы из бороды и усов. «Напишите на клочке бумаги, кто вас завербовал, протокол составлять не будем». – «На кого конкретно я должен дать показания?» – «Вы сами должны знать. Но это лицо должно быть известным в стране и должно принадлежать к руководству партии». – «Член ЦК?» – «Пусть вас не смущает, даже если это будет член Политбюро, и учтите, что у нас уже сидят члены Политбюро Рудзутак, Косиор, Чубарь, Эйхе». – «А какие показания вас могут интересовать?» – «Получите тезисы. Их надо только развить». Не в силах выдержать «конвейер» написал: «Считаю бессмысленным дальнейшее сопротивление следователю. Я признаю, что входил в...» Через несколько дней вызвал: «Думаете ли вы давать показания?» – «Я уже дал, что еще надо?» – «Это ерунда. Нужны настоящие показания». Я молчал. «Поедете в Лефортовскую тюрьму и уж там напишите все, что требуется». Через два-три дня, ночью Луховицкий допрашивал в Лефортове с еще двумя следователями и избивал в течение часа резиновой дубинкой, скруткой из голого медного провода, топтал ногами.

Двое ушли, привели Темкина (Арон Темкин, начальник управления снабжения Наркомпищепрома...). Темкин: «Я был свидетелем, когда нарком пищевой промышленности давал Емельянову поручение убить Микояна». Темкина тут же увели.

«Вы подтверждаете сказанное Темкиным?» – «Мне все понятно».

«Показания Темкина – обеспеченный смертный приговор, и от вас зависит теперь ваша судьба». Сфабрикованный протокол допроса я не подписал. Снова били и поставили в стойку. Наступили каблуком на пальцы, сорвали ногти. В октябре подписал не читая».

К слову, Аркадий Емельянов вынужден был подписать 82 страницы «собственноручных» показаний, то есть продиктованных следователем. За что получил «только» 15 лет лагерей

Виктор Семенович Абакумов просто не мог не быть палачом, переступив порог Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР в 1937 году. Он проработал там самое страшное для советских людей и для советской страны время: 1937 и 1938 годы.

Неужели его это могло миновать или обойти стороной? Ведь если он чего-то не умел, то его учили, и ему приходилось учиться. А как же иначе?

Писатель Юрий Дружников однажды записал воспоминания чекиста Спиридона Карташева: «У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В Гражданскую войну я служил в ЧОНе. Мы ловили в лесах дезертиров из Красной армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил...»

Мною лично застрелено 37 человек, большое число отправил в лагеря. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно... Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю вплотную. Меня только теплой кровью обдаёт, как одеколоном, а звука не слышно. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушел».

30 июля 1937 года Николай Ежов подписал приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно этому приказу, попадание в первую категорию репрессируемых означало расстрел, а во вторую – в ГУЛАГ. Третьей категории, увы, не было.

Начало же событий, названных десятилетиями позже «Большим террором», датировано 3 июля 1937-го, когда секретарь ЦК ВКП(б) Сталин передал народному комиссару внутренних дел СССР Н.И. Ежову и региональным руководящим органам партии принятое днем раньше решение Политбюро о начале кампании репрессии... А после 4 июля абсолютно все подразделения Главного управления госбезопасности НКВД СССР немедленно приступили к просмотру своих картотек и архивов в поисках указанных в приказе жертв...

Работы было много, но когда началось выполнение приказа № 00447, ее стало гораздо больше. Людей катастрофически не хватало...

Например, только в 1937 году по делам органов НКВД было арестовано 936 750 (за контрреволюционные преступления, в т. ч. за антисоветскую агитацию, – 234 301, за другие преступления – 157 301). Всего было осуждено 790 665 (в том числе к высшей мере наказания – 353 074).

В 1938 году по делам органов НКВД было арестовано 638 509 (за контрреволюционные преступления – 593 326, в т. ч. за антисоветскую агитацию, – 57 366, за другие преступления – 45 183). Всего было осуждено 554 258 (в том числе к высшей мере наказания – 328 618).

То есть в 1937–1938 годах к ВМН было осуждено 681 692. Для сравнения с 1921 по 1929 год по делам ВЧК-ОГПУ к высшей мере наказания было осуждено всего 23 391. С 1930 по 1936 год по делам ОГПУ-НКВД к высшей мере наказания было осуждено 40 137. А с 1939 по 1-е полугодие 1953 года к высшей мере наказания было осуждено – 54 235. Согласитесь, что цифры очень точно воспроизводят динамику «Большого террора» и те два года (1937-й, 1938-й) в этом плане показательны.

Александр Исаевич Солженицын в своем знаменитом «Архипелаге» по поводу следствия в органах безопасности СССР напишет: «Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать – тридцать – сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытать муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого легкого – пытать по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо, – ни одна бы чеховская пьеса не дошла бы до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом».

Далее Александр Исаевич подчеркивает, что не существовало такого перечня пыток и издевательств, который в типографски отпечатанном виде вручался бы следователям. Просто требовалось, чтобы каждый следственный отдел в заданный срок поставлял трибуналу заданное число во всем сознавшихся кроликов. А просто говорилось (устно, но часто), что все меры и средства хороши, раз они направлены к высокой цели; что никто не спросит со следователя за смерть подследственного; что тюремный врач должен как можно меньше вмешиваться в ход следствия. Вероятно, устраивали товарищеский обмен опытом, «учились у передовых»; ну, и объявлялась «материальная заинтересованность» – повышенная оплата за ночные часы, премиальные за сжатие сроков следствия; предупреждалось, что следователи, которые с заданием не справятся...

Понимая, что старшие страхуются, часть рядовых следователей (не те, кто остервенело упиваются) тоже старались начинать с методов более слабых, а в наращивании избегать тех, которые оставляют слишком явные следы: выбитый глаз, оторванное ухо, перебитый позвоночник, да даже и сплошную синь тела.

Вот почему в 1937 году мы не наблюдаем – кроме бессонницы – сплошного единства в разных областных управлениях, у разных следователей одного управления. Есть молва, что отличались жестокостью пыток Ростов-на-Дону и Краснодар. В Краснодаре придумали кое-что оригинальное: вынуждали подписывать пустые листы бумаги, а затем уже сами заполняли ложью. Впрочем, зачем пытки: в 1937-м там не было дезинфекций, тиф, трупы в людской тесноте лежали по 5 дней, кто в камерах сходил с ума – тех в коридоре добивали палками».

Приводит он перечень некоторых простейших приемов, которые сламывали волю и личность арестантов, не оставляя следов на его теле.

1. Ночь. Ночью вырванный изо сна арестант не может быть уравновешен и трезв по-дневному, он податливый.

2. Убеждение в искреннем тоне.

3. Грубая брань.

4. Удар психологическим контрастом.

5. Унижение предварительное.

6. Любой прием, приводящий подследственного в смятение.

7. Запугивание.

8. Ложь.

9. Игра на привязанности к близким.

10. Звуковой способ.

11. Щекотка.

12. Гасит папиросу о кожу подследственного.

13. Световой способ и т. д.

Был и еще один способ заставить говорить – битье, не оставляющее следов:

«Бьют и резиной, бьют и колотушками, и мешками с песком. Очень больно, когда бьют по костям, например следовательским сапогом по голени, где кость почти на поверхности. Комбрига Карпунича-Бравена били 21 день подряд. (Сейчас говорит: «И через 30 лет все кости болят и голова».) Вспоминая свое и по рассказам он насчитывает 52 приема пыток. Или вот еще как: зажимают руки в специальном устройстве – так, чтобы ладони подследственного лежали плашмя на столе, и тогда бьют ребром линейки по суставам – можно взвопить! Выделять ли из битья особо – выбивание зубов? (Карпуничу выбили восемь.)».

Был такой следователь Александр Григорьевич Хват. В 1938 году с должности начальника Орготдела ЦС ОСОАВИАХИМа он пришел на работу в НКВД во 2-е отделение 6-го отдела 1-го управления. Было ему тогда уже 30 лет. Естественно, что сразу назначили его оперуполномоченным и присвоили звание младшего лейтенанта ГБ.

Уже в ноябре 1938-го Хват участвовал в следствии по делу арестованных руководящих работников Кабардино-Балкарской АССР, обвинявшихся в принадлежности к антисоветской организации, возглавляемой 1-м секретарем обкома ВКП(б) Б. Э. Калмыковым. На допросах у Хвата заместитель председателя СНК КБАССР Х.Б. Хабуров, первоначально отрицая свою вину, признался в итоге в причастности к вышеназванной организации, хотя потом отказался от признательных показаний и заявил, что оговорил себя и других после применения к нему физического воздействия.

В 1939–1940 годах, будучи следователем, помощником начальника следственной части ГЭУ НКВД СССР, Хват вел дела жены М. И. Калинина, бывшего заместителя наркома КБАССР Д. В. Кашеева, а в 1940–1941 годах – дело вице-президента ВАСХНИЛ академика Н.И. Вавилова.

«Знаменитое дело»! Вице-президента ВАСХНИЛ академика Вавилова Хват мучил одиннадцать месяцев – четыреста раз вызывая на долгие, многочасовые допросы.

«Что, по свидетельству очевидцев, после этих допросов Вавилов идти сам не мог: до камеры № 27 в Бутырской тюрьме его доволакивали надзиратели и бросали возле двери. Сокамерники помогали Вавилову забраться на нары и снять ботинки с огромных, вздутых, синих ступней. Академика ставили на так называемые «стойки» – пытка эта означала, что человеку по десять и больше часов (иногда она растягивалась на дни, и тогда у пытаемых лопались на ногах вены) не позволяли сесть... После полугода такого следствия (Вавилова обвиняли в шпионаже и вредительстве) из крепкого, подтянутого, даже чуть франтоватого пятидесятилетнего мужика, академик превратился в очень пожилого человека», – рассказывает Евгения Альбац.

Ей же чудесным образом удалось встретиться с тем самым следователем...

«Я поднялась на третий этаж этого дома и позвонила. Дверь открыла женщина средних лет.

– Здесь живет Александр Григорьевич Хват?

– Папа, – негромко позвала она.

Он вышел из соседней комнаты. Широкогрудый. Когда-то, видно, высокий. Голый череп в обрамлении коротко стриженных седых волос. Старость, хотя он выглядел моложе своих восьмидесяти лет, выдавала шаркающая походка и какая-то сгорбленность фигуры. Нет, точнее, не сгорбленность – согбенность: как будто что-то давило на него сверху и все больше склоняло в странном полупоклоне, все больше прижимало к земле. Потом я пойму: его давил не только возраст – страх.

Хват профессиональным жестом раскрыл мое редакционное удостоверение, внимательно прочитал, сверился с фотографией.

– По какому вопросу? – спросил.

– Давайте пройдем в комнату, – оттягивая возможность быть изгнанной, сказала я.

– Пожалуйста, – он покорно открыл дверь комнаты и пропустил меня вперед.

В комнате стояла двуспальная кровать – по примятым подушкам видно было, что он, когда я пришла, лежал. Еще стояли две тумбочки для белья, шкаф, пара стульев. Больше – ничего.

Хват поставил стул у окна – так, чтобы свет падал мне на лицо. Сам сел у стены, напротив.

Я начала в лоб:

– Вы работали следователем НКВД?

– Да.

– Помните, в сороковом году вы вели дело Вавилова, академика...

– Как же, конечно, помню...

Покорность Хвата поразила и сковала меня. Я ожидала чего угодно, но только не этого. Вся заготовленная загодя агрессия оказалась не нужна.

Передо мной сидел старик. Просто – старик. Уставший и, кажется, больной...

Я неловко выдавила из себя:

– Свидетели утверждают, что вы применяли к Вавилову... (я искала слово помягче) жесткие методы следствия...

– Категорически отвергаю, – быстро и заученно ответил Хват. – Был же и другой следователь, Албогачиев, – тут же продал он своего коллегу. – Нацмен, – добавил...

– Албогачиев – он малообразованный человек был. Ну и нацмен, сами понимаете... – снова повторил Хват. – У него с ним... отношения так, не очень были...

– Скажите, вы верили в то, что Вавилов – шпион?

– В шпионаж я, конечно, не верил – данных не было. То есть было заключение агентурного отдела – существовал такой в Главном экономическом управлении НКВД: так и так, шпион. Агентурный отдел его “разрабатывал”, но данные нам не передавали – у себя оставляли. Они и постановление на арест по таким делам писали. Ну, а что касается вредительства – что-то он не так в своей сельскохозяйственной науке делал. Тут я собрал экспертизу – академик ее возглавлял, к Трофиму Лысенко ездил. Они, то есть академики и профессора, подтвердили: да, вредил.

– Вам не было жалко Вавилова? Ведь ему грозил расстрел. Так, по-человечески, не было жалко?...

Хват рассмеялся:

– Что значит жалко? – Так и сказал. – Ну что он, один, что ли?...»

За свою безжалостную работу Хват уже в сентябре 1944 года получил звание «полковник». То есть всего за шесть лет, с 1938 года до 1944 года, он дослужился с младшего лейтенанта ГБ до этого высокого звания. Имел ордена, медали.

Из органов его уволили в 1955 году. Хват не пропал: с того же года работал начальником 1-го отдела отделения Института прикладной математики АН СССР, в 1958-м устроился начальником отдела и секретарем партбюро Управления Министерства среднего машиностроения СССР.

Вспомнили о Хвате в конце 1958 года, в период реабилитации. Теперь же, во изменение прежней формулировки: уволен со службы по служебному несоответствию с применением ограничения в пенсионном обеспечении, предусмотренного Постановлением СМ СССР № 2509 от 24 сентября 1953 г. А в сентябре 1962 г. «за грубейшее нарушение советской законности в бытность на работе в органах НКВД-МГБ СССР» решением КПК при ЦК КПСС исключили из партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.